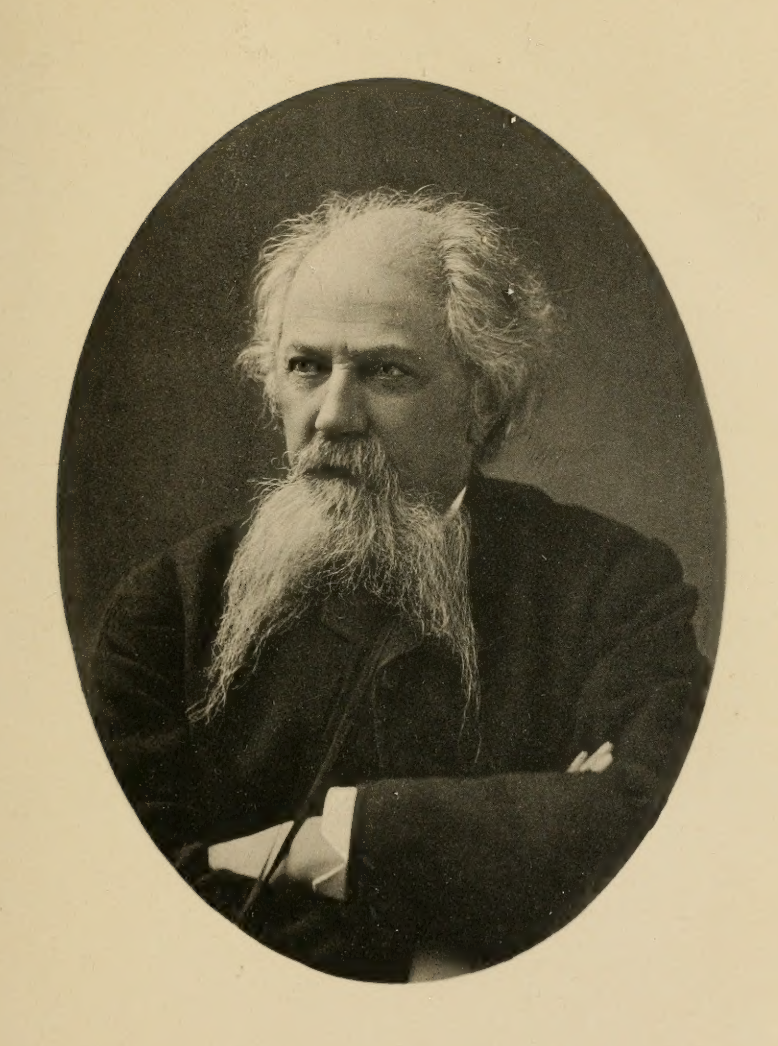

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00312895 6

А. М. Жемчужниковъ.

Фототипія В. Класенъ. С. Петербургъ Кадетская лин. № 2-7.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

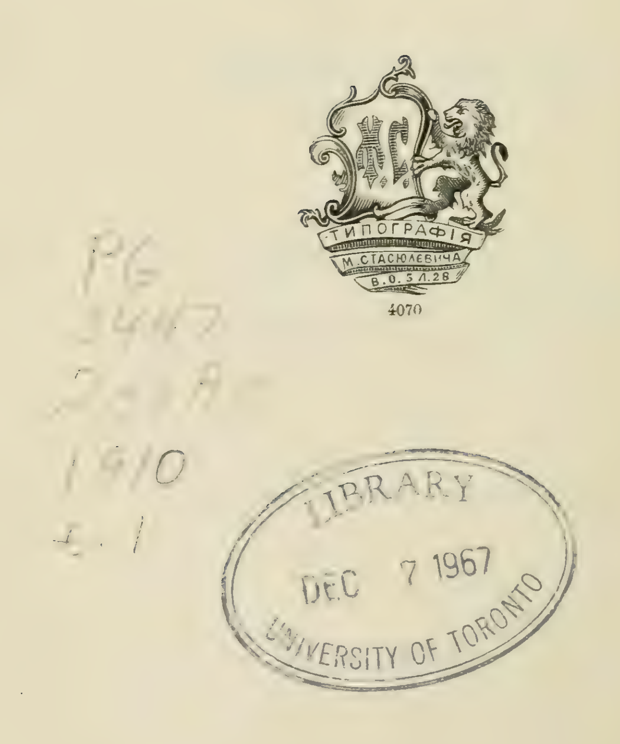
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И АВТОБІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1910

4070

Оглавленіе перваго тома.

Автобіографическій очеркъ.

Мнѣ совѣтовали предпослать полному собранію моихъ стихотвореній автобіографическій очеркъ. Я рѣшился послѣдовать этому совѣту, и прошу у читателя позволенія остановиться подольше въ моемъ очеркѣ только на тѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, которыя имѣли наиболѣе вліянія на мои литературныя занятія.

Я родился въ февралѣ 1821 года. Воспитывался до 14 лѣтняго возраста дома. Потомъ поступилъ, въ 1835 г., въ первую с.-петербургскую гимназію, изъ которой вскорѣ вышелъ, чтобы держать экзаменъ въ только-что основанное императорское училище правовѣдѣнія, куда и былъ принятъ въ числѣ, кажется, сорока первоначальныхъ его воспитанниковъ, 5 декабря того же 1835 г. Окончивъ курсъ, я вышелъ изъ училища въ 1841 году съ чиномъ IX-го класса. Нашъ выпускъ былъ второй съ основанія училища. Я поступилъ на службу въ сенатъ. Но въ слѣдующемъ же году, къ великому моему удовольствію, былъ уволенъ отъ канцелярскихъ работъ и прикомандированъ для занятій къ ревизовавшему Орловскую и Калужскую губерніи почтенному сенатору Дмитрію Никитичу Бѣгичеву, автору романа: „Семейство Холмскихъ“. Ревизія продолжалась года

два. Въ 1844 году судьба помогла мнѣ снова избавиться отъ сената. Получивъ отпускъ, я обратился къ занятіямъ по другой сенаторской ревизіи. Въ то время мой отецъ ревизовалъ таганрогское градоначальство, и я находился при немъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. Занятія при ревизовавшихъ сенаторахъ были для меня весьма полезны. Они дали мнѣ возможность еще въ юности ознакомиться съ жизнію провинціи и находиться въ сношеніяхъ со всѣми общественными слоями. Въ маѣ 1846 г. я получилъ опять отпускъ съ разрѣшеніемъ поѣхать за границу, откуда вернулся на сенатскую службу черезъ восемь мѣсяцевъ. Лѣтомъ 1847 г. я перешелъ изъ сената на должность помощника юрисконсульта, а въ 1849 г. поступилъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ съ 1855 года былъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. 1-го января 1858 года я вышелъ въ отставку [1]. Съ тѣхъ поръ я покинулъ Петербургъ, какъ постоянное мѣстопребываніе, и проживалъ сначала въ Калугѣ, гдѣ женился, потомъ нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, а затѣмъ за границей: преимущественно въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Италіи и на югѣ Франціи. Моя продолжительная жизнь за границей, которая была, впрочемъ, прервана возвращеніемъ на нѣкоторое время домой, была для меня не менѣе полезна, чѣмъ жизнь въ провинціи. Я убѣдился на опытѣ въ разумности и въ высокомъ нравственномъ значеніи многихъ сторонъ западно-европейскаго быта и проникся глубокимъ къ нимъ уваженіемъ и сознательнымъ сочувствіемъ. Съ 1884 г.

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одной статьѣ, гдѣ была представлена краткая характеристика русскихъ современныхъ писателей, сказано было обо мнѣ, что я одно время былъ губернаторомъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы исправить эту ошибку. До моей послѣдней службы въ государственной канцеляріи, я служилъ только по вѣдомству министерства юстиціи.

я переселился окончательно въ Россію. Послѣдніе четыре года я живу въ деревнѣ, то у себя, въ Елецкомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, то у моихъ родственниковъ, большею частью въ Рязанской губерніи.

Я дѣлю мою жизнь послѣ выпуска изъ училища на два періода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга по внутреннему своему содержанію: до отставки въ 1858 г. и послѣ отставки. Въ первомъ періодѣ было болѣе внѣшнихъ перемѣнъ и движенія, знакомствъ, обязанностей и такихъ занятій, которыя служащими чиновниками называются „дѣломъ"... Во второмъ было болѣе сосредоточенности, размышленія и критики. Критическое отношеніе къ окружавшему меня обществу заставило меня обернуться задомъ ко всему прошлому и пойти другой дорогой. Именно съ той минуты, когда я оказался безъ обязательнаго служебнаго дѣла, я началъ сознавать, что могу быть дѣльнымъ человѣкомъ. Я искренно уважалъ государственныхъ людей, достойныхъ этого имени; но, достигнувъ 37-ми-лѣтняго возраста, я началъ сомнѣваться въ томъ, что во мнѣ есть данныя для занятія когда-нибудь между ними мѣста. За все время моей службы я успѣлъ составить себѣ репутацію искуснаго редактора. Дѣйствительно, я умѣлъ хорошо писать бумаги и доклады и ловко редактировать чужія мнѣнія; и нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ я могъ бы „составить себѣ карьеру"; но меня—могу похвалиться—такая перспектива не привлекала. Въ мои лѣта пора уже было позаботиться о возможности выражать свои собственныя мнѣнія, вмѣсто того чтобы редактировать чужія, да притомъ еще нерѣдко мнѣ антипатичныя. А потому я рѣшился, къ немалому удивленію многихъ моихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, разстаться и съ званіемъ помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта, и съ званіемъ камеръ-юнкера.

Въ первомъ періодѣ моей жизни я убилъ много времени

даромъ. Жизнь чувственная часто преобладала совершенно надъ духовною. Не столько служба, сколько свѣтская жизнь нерѣдко засасывала меня какъ болото. Появлялись, конечно, и тогда болѣе или менѣе продолжительные свѣтлые промежутки. Они-то и подготовили возможность совершившейся со мною послѣ перемѣны. Еще на училищной скамьѣ я сдѣлалъ запасъ возвышенныхъ идеаловъ и честныхъ стремленій. Духъ училища въ мое время былъ превосходный. Этимъ духомъ мы были обязаны не столько нашимъ профессорамъ, между которыми были очень почтенные люди, но Грановскихъ не было, сколько самому основателю и попечителю нашего училища — принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому. Онъ, своимъ личнымъ характеромъ и обращеніемъ съ нами и нашими наставниками, способствовалъ къ развитію въ насъ чувства собственнаго достоинства, человѣчности и уваженія къ справедливости, законности, знаніямъ и просвѣщенію. Составъ моихъ товарищей былъ также очень хорошъ. Я былъ близокъ почти со всѣми воспитанниками трехъ первыхъ выпусковъ. Мы были воодушевлены самыми лучшими намѣреніями. Какъ добрыя начала, вынесенныя изъ училища, такъ и доходившія до меня потомъ вѣянія отъ людей сороковыхъ годовъ не дозволяли мнѣ безповоротно увлечься шумною, блестящею, но пустою жизнью. Въ первый періодъ моей жизни я, можетъ быть, многое проглядѣлъ изъ того, что̀ происходило вокругъ меня; но то, что̀ до меня доходило, оцѣнивалось мною по достоинству. Я продолжалъ мѣрить людей и дѣла мѣрою сохранившихся въ полной чистотѣ и неприкосновенности моихъ идеаловъ. Врожденная отзывчивость не дала душѣ моей заглохнуть. Я былъ всегда чуждъ равнодушію, и это было большое для меня счастіе. На своемъ вѣку я подмѣчалъ не разъ, какъ индифферентность вкрадывается въ человѣка большею частью подъ личиною „благоразумія и практичности въ воззрѣніяхъ на жизнь“,

а потомъ, мало-по-малу, превращается въ нравственную гангрену, разрушающую одно за другимъ всѣ лучшія свойства не только сердца, но и ума. Послѣ моей отставки я, на полной свободѣ частной жизни, сблизился съ обществомъ писателей и со многими лучшими представителями направленія сороковыхъ годовъ, къ которымъ питаю до сихъ поръ особую симпатію и глубокое уваженіе. Они всегда были лучшими моими друзьями и наставниками.

Самымъ тяжелымъ и мрачнымъ временемъ моей жизни я считаю вступленіе мое на службу въ 4-й департаментъ сената послѣ выпуска изъ училища. Я помню, что первое порученное мнѣ занятіе состояло въ исправленіи стараго алфавитнаго указателя, въ которомъ наибольшая часть дѣлъ, чуть-ли не цѣлый томъ, значилось подъ буквою *О*: *о* наслѣдствѣ, *о* спорной землѣ, *о* духовномъ завѣщаніи и т. д. до безконечности. Помню также, что я около того же времени написалъ на черновомъ листѣ какой-то дѣловой бумаги стихотвореніе, въ которомъ призывалъ къ себѣ на помощь терпѣніе ослиное, такъ какъ человѣческаго было недостаточно. Самое лучшее время моей жизни было пребываніе мое въ Калугѣ вскорѣ послѣ выхода въ отставку. Тогда разрѣшался крестьянскій вопросъ. Я почитаю себя счастливымъ, что былъ свидѣтелемъ освобожденія крестьянъ въ Калужской губерніи, гдѣ тогда былъ губернаторомъ мой товарищъ по училищу и другъ Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ, женатый на моей сестрѣ. Великое дѣло имѣло огромное вліяніе на русское общество. Оно вызвало и привлекло къ себѣ большое количество друзей и тружениковъ. Новые люди являлись повсюду, и общество росло умственно, и нравственно, безъ преувеличенія, по днямъ и по часамъ. Недавніе чиновники и владѣтели душъ преображались въ доблестныхъ гражданъ своей земли... Хорошее было время! Я долженъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ того времени, чисто личномъ, по

имѣвшемъ глубокое вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь. Я тогда сдѣлалъ знакомство, которое положило основаніе моему семейному счастію. Словомъ, это время было въ моей жизни свѣтлымъ праздникомъ.

Обстоятельства жизни отражались на моихъ литературныхъ занятіяхъ. Я началъ писать еще въ училищѣ, преимущественно стихами, и писалъ не мало [1]). Потомъ скучная служба и разсѣянная жизнь заставили меня замолкнуть. Въ печати я появился не прежде 1850 г. Сперва писалъ мало и лѣниво, какъ бы въ минуты пробужденія. Иногда мнѣ случалось относиться критически къ окружающей меня средѣ и тосковать о своей нравственной неволѣ. Когда, въ эпоху новыхъ вѣяній, я вышелъ въ отставку именно съ тѣмъ, чтобы имѣть право и возможность мыслить и чувствовать съ бо́льшею свободою и независимостью, во мнѣ родилось сомнѣніе въ дѣльности моихъ литературныхъ занятій. Мнѣ казалось, что мои стихи никому не нужны въ такое серьезное время. Поэзія на „гражданскіе мотивы“ была бы очень умѣстна въ эпоху пробужденія ума и совѣсти. Я сознавалъ все высокое ея значеніе и меня къ ней тянуло; но эти пѣсни пѣлъ тогда Некрасовъ. Онѣ были такъ сильны и оригинальны, что тягаться съ ними я, конечно, не могъ, а вторить имъ, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне. Съ другой стороны, такъ называемая „чистая“ поэзія, отрѣшенная отъ злобы дня,—возвышенна и прекрасна всегда. Такого времени, когда она могла бы оказаться ненужной, не бываетъ. Но я чувствовалъ, что моя муза не обладаетъ ни лиризмомъ, ни красотою, которыя я почиталъ необходимыми принадлежностями чистой поэзіи. Въ то время мои недостатки

[1]) Мы издавали въ училищѣ, кажется, въ продолженіе трехъ лѣтъ, ежемѣсячный рукописный журналъ подъ скромнымъ названіемъ: „Собраніе упражненій воспитанниковъ такого-то класса“. Я былъ одинъ изъ редакторовъ.

оказались бы еще замѣтнѣе. Вотъ почему я тогда почти бросилъ писать стихи и обратился къ прозѣ, такъ какъ дѣлиться съ обществомъ моими мыслями я все-таки чувствовалъ потребность. Въ то время я написалъ статью: „Современный просвѣтитель народа“ (напечатана въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), въ которой подвергнулъ критическому разбору брошюру: „Печатная правда“, обращенную къ русскому народу съ цѣлью приготовить его, будто бы, къ пониманію объявленнаго уже правительствомъ преобразованія крестьянскаго быта; а позднѣе — статью: „Физіономіи и силы“ (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“), въ которой, съ точки зрѣнія наступившаго переходнаго времени, старался отмѣтить черты нашего до-реформеннаго быта [1]). Когда я жилъ за границею, во мнѣ вновь родилась потребность писать стихи. Второй перерывъ въ стихотворствѣ совпадаетъ со временемъ болѣзни и смерти моей жены. Затѣмъ, въ особенности съ 1883 г., я началъ писать сравнительно много. Въ 1884 г. я вернулся въ Россію, и всѣ послѣдніе года мнѣ писалось болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ моей жизни. Мнѣ казалось, — и продолжаетъ казаться до сихъ поръ, — что у меня есть что̀ сказать, и мнѣ хочется высказываться. Въ этомъ настроеніи чувствуется желаніе наверстать потерянное время и сознаніе, что возможность писать можетъ прекратиться со дня на день. Быть можетъ, здѣсь есть также доля старческой болтливости.

---

[1]) Прозою я писалъ еще менѣе, чѣмъ въ стихахъ. Кромѣ поименованныхъ статей, были напечатаны еще двѣ-три обличительнаго и полемическаго характера, и рядъ писемъ изъ-за границы во время и послѣ франко-прусской войны. Статьи были напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, подъ редакціею В. Ѳ. Корша, и въ „Днѣ“ И. С. Аксакова; а заграничныя письма—въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, подъ заглавіемъ: „Письма изъ нѣмецкаго захолустья“ и „Письма изъ нѣмецкаго города“, и были подписаны цифрами: I, VII. Я также напечаталъ, передъ нашею послѣднею войною, письмо въ газету „Голосъ“ о тогдашнемъ настроеніи нашего общества.

До сихъ поръ не было издано ни одного сборника моихъ стихотвореній, и я представляю едва ли не единственный у насъ примѣръ поэта, дожившаго до 71-го года и не издавшаго ни одного такого собранія. Это произошло оттого, что въ юности я просто не заботился объ изданіи мною написаннаго; а потомъ все откладывалъ это дѣло — долженъ признаться — изъ самолюбія. Я охотно согласился на изданіе сочиненій популярнаго Кузьмы Пруткова, тѣмъ болѣе, что не я одинъ нахожусь за нихъ въ отвѣтственности. А стихи за подписью моего имени... это — другое дѣло. Я никогда не былъ популяренъ. Отзывы обо мнѣ появлялись въ печати очень рѣдко, и, можетъ быть, по той, между прочими, причинѣ, что я, не издавая собранія моихъ произведеній, не подавалъ повода замолвить о нихъ слово. Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ я былъ въ постоянной нерѣшительности. Мнѣ все хотѣлось написать еще что-нибудь получше прежняго, и я не терялъ надежды, что это исполню. Теперь издаю полное собраніе моихъ стихотвореній, но не потому, что надежда моя исполнилась, а потому, что наконецъ — пора! Въ мои лѣта откладывать исполненіе чего-либо на будущее время — не приходится. Пора подвести итоги и представить обществу отчетъ въ моей литературной дѣятельности, какова бы она ни была.

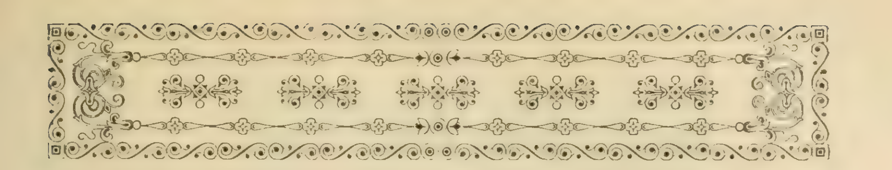
Мнѣ остается прибавить въ заключеніе, что я, передъ изданіемъ этого сборника, пересмотрѣлъ все написанное мною въ стихахъ,—кромѣ, конечно, моихъ школьныхъ сочиненій. Въ сборникъ вошло, за малыми исключеніями, то, что было уже напечатано въ „Современникѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ (подъ редакціею Краевскаго), „Библіотекѣ для Чтенія“ (подъ редакціею Дружинина), „Искрѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1857—1859), „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Голосѣ“, „Отечественныхъ Запискахъ“ позднѣйшаго времени, „Вѣстникѣ Европы“, „Русской Мысли“, „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Сборникѣ въ

память В. М. Гаршина“ и „Сборникѣ въ пользу голодающихъ“, изданномъ редакціею „Русскихъ Вѣдомостей“ въ декабрѣ прошлаго года. Кое-что я исправилъ; кое-что сократилъ или переработалъ; два-три стихотворенія выкинулъ, не потому, что они слабы, — слабыхъ стихотвореній окажется въ этомъ собраніи, безъ сомнѣнія, не мало, — а потому, что они мнѣ не понравились. Кромѣ нихъ не попали въ это собраніе еще нѣсколько стихотвореній, появленіе которыхъ въ печати было бы, пожалуй, несвоевременно.

Алексѣй Жемчужниковъ.

с. Стенькино, Ряз. губ.
17 февр. 1892 г.

ПРИТЧА О СѢЯТЕЛѢ И СѢМЕНАХЪ.

•

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ;
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли,
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли, —
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно,
И въ терніи дикомъ заглохло оно...
Напрасно шелъ дождь и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою;
Одни за другими проходятъ года —
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатвы настанетъ урочное время,

Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко, и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышитъ...

Имѣющій уши, чтобъ слышать, — да слышитъ!

1851 г.

•► ◄•

ВЕРСТА НА СТАРОЙ ДОРОГѢ.

Подъ горой, дождемъ размытой,
У оврага безъ моста
Пріютилась подъ ракитой
Позабытая верста.

Наклонившись на бокъ низко,
Тусклой цифрою глядитъ;
Но далеко или близко —
Никому не говоритъ.

Безъ нужды старушка мѣритъ
Прежній путь, знакомый, свой;
Хоть и видитъ, а не вѣритъ,
Что проложенъ путь иной...

1854 г.

ПРОЩАНІЕ ІОАННА СЪ ПАТМОСОМЪ.

Тогда мягкосердый былъ Нерва на римскомъ престолѣ.
Смирилась нещадная злоба враговъ христіанъ;
Открылись темницы; молиться и плакать на волѣ
Дозволилъ самъ кесарь. Любимецъ Христа Іоаннъ,
Весь Патмосъ потрясши глаголомъ Христова ученья,
Бѣсовскую прелесть — господство грѣха и страстей —
Молитвой низвергнувъ, и много устроивъ церквей,
И людямъ болящимъ явивъ чудеса исцѣленья, —
Замыслилъ покинуть страну своего заточенья.

И всѣ христіане, о горькой утратѣ скорбя,
Къ апостолу съ плачемъ и громкимъ рыданьемъ взывали:
«Какъ будемъ спасаться, убогіе мы, безъ тебя?
«О, смысла податель! свѣтило въ дни нашей печали!
«Глаголъ, пробудившій молчанье тяжелой дремы,
«Средь коей мы всѣ пребывали безумно и праздно!
«Ковчегъ въ бурномъ морѣ мірской суеты и соблазна!
«Спасенья намъ книгу оставь, чтобъ отъ призраковъ тьмы
«Хранились сердца наши чисты и свѣтлы умы!»

Была же та книга написана такъ Іоанномъ
(Христосъ вдохновилъ его, славой своей осѣня!):

На Патмосѣ постъ заповѣдалъ онъ всѣмъ христіанамъ
И вышелъ молиться въ пустыню, гдѣ былъ онъ три дня,
На нѣкой высокой горѣ, непрестанно моляся.
И въ небѣ явилось блистанье; и громъ былъ великъ;
И, двигнута Божіей силой, гора потряслася;
И въ страхѣ палъ ницъ бывшій съ нимъ на горѣ ученикъ.
Въ то время апостолъ, исполнившись духа святого,
Безмолвно лежащаго въ прахѣ десницей воздвигъ,
Воскликнувъ: «Пиши что̀ изъ устъ изречется моихъ»!
И въ славу Спасителя міра уста Богослова
Отверзлись, и началъ вѣщать онъ: *Въ началѣ бѣ Слово...*

Просившимъ вручилъ онъ сей свѣточъ въ юдоли невзгодъ, —
На Патмосѣ снова учивши по весямъ и градамъ.
Но слова спасенья и вѣры вселенная ждетъ...
Онъ сѣлъ на корабль и отплылъ къ ожидающимъ чадамъ.
Печально по берегу моря разбрелся народъ,
Какъ съ робкимъ бываетъ утратившимъ пастыря стадомъ.

1854 г.

•➤— ◂•

* * *

Уже давно иду я, утомленный,
И на небѣ ужъ солнце высоко;
А негдѣ отдохнуть въ степи сожженной
И все еще до цѣли далеко.

Объятая безмолвіемъ и лѣнью,
Кругомъ пустыня скучная лежитъ...
Хоть вѣтеръ бы пахнулъ! Летучей тѣнью
И облако на мигъ не освѣжитъ...

Впередъ, впередъ! За степью безотрадной
Зеленый садъ, я знаю, ждетъ меня;
Тамъ я въ тѣни душистой и прохладной
Найду пріютъ отъ пламеннаго дня;

Тамъ жизнію я наслаждаться буду,
Бесѣдуя съ природою живой;
И отдохну, и навсегда забуду
Тоску пути, лежащаго за мной...

1855 г.

ДРУГУ.

Тебѣ, познавшему отраду тайныхъ слезъ
И посѣщенному глубокой, скорбной думой,
Я съ возрожденіемъ привѣтствіе принесъ:
Воскресни къ жизни, — плачь и думай!

Не говори: «Мнѣ дней самозабвенья жаль:
«Забавъ безпечныхъ рой меня покинулъ рано»...
Полюбишь ты свою разумную печаль, —
Возненавидишь блескъ обмана.

Живи! Теперь ты жить достоинъ! Свѣтскихъ нѣгъ
Пришла пора стряхнуть мертвящія оковы.
Къ тебѣ весна идетъ; холодный таетъ снѣгъ, —
Подъ нимъ цвѣты расцвѣсть готовы.

1855 г.

* * *

Я музыку страстно люблю, но порою
Настроено ухо такъ нѣжно, что трубы,
Литавры и флейты, и скрипки, — не скрою, —
Мнѣ кажутся рѣзки, пискливы и грубы.

Пускай бы звучала симфонія та же,
Какъ создалъ ее вдохновенный маэстро;
И духъ сохранился бы тотъ же, и даже
Остались бы тѣ же эффекты оркестра;

Но пусть инструменты иные по нотамъ
Исполнятъ ее, — и не бой барабана
И вздохъ, издаваемый длиннымъ фаготомъ,
Дадутъ намъ почувствовать forte и piano.

Нѣтъ, хоръ бы составили чудный и полный
Гулъ грома, и буря, и свистъ непогоды,
И робкіе листья, и шумныя волны...
Всего не исчислишь... всѣ звуки природы!

А паузъ молчанье—замѣнятъ мгновенья
Таинственной ночи, когда, молчаливый,
Міръ дремлетъ и грезитъ среди упоенья
Прохладною тьмою и нѣгой лѣнивой...

1855 г.

•► ◄•

ПРИМИРЕНІЕ.

1.

Вотъ наконецъ и ночь! Пришла моя пора.
Какъ этотъ ясный день, безоблачный съ утра,
Торжественно сіялъ, и радостенъ, и звученъ!
Какъ этотъ длинный день мнѣ былъ тяжелъ и скученъ!
Теперь, когда кругомъ безмолвно и темно,
Упрековъ онъ не шлетъ, глядя въ мое окно,
Душѣ взволнованной мятежною тревогой...
Пойду чрезъ поле въ лѣсъ дремучій, и дорогой,
Нисшедшую ко мнѣ благословляя тьму,
Ни разу къ небесамъ очей не подыму.

2.

Какая темнота! Ужъ лѣсъ, нахмурясь, дремлетъ.
Порой вершинами лѣниво заколеблетъ,
Иль птица сонная пугливо прокричитъ, —
И снова, погрузясь въ дрему, онъ замолчитъ.
Я бодрствую одинъ. Одна душа живая
Здѣсь бродитъ, тихій сонъ природы нарушая,
И хочетъ у нея, какъ полуночный тать,

Хоть долю гордаго спокойствія отнять.
И долго я глядѣлъ съ завистливой тоскою,
Какъ, темнымъ пологомъ повиснувъ надо мною,
Безтрепетенъ и нѣмъ, межъ звѣздами небесъ
И дольнимъ сумракомъ, стоялъ могучій лѣсъ.
И, обезумленный, тогда я горькимъ словомъ
Хотѣлъ смутить его въ величіи суровомъ.
Мой голосъ раздался среди лѣсной глуши...
Но крикъ, изверженный изъ глубины души,
Откликнулся мнѣ такъ безсмысленно и дико,
Что въ немъ не узнавалъ я собственнаго крика...

3.

Передо мной обрывъ. Невидимый, внизу
Бѣжитъ потокъ, шумя по камнямъ. Я ползу
Къ нему по крутизнѣ. Мой слухъ внимаетъ жадно
Его сердитому стремленью. Мнѣ отрадно
Въ немъ слышать ропотъ.

4.

Нѣтъ!.. Не дикой красотой
Заглохшей пропасти; не сумрачной горой
И не бунтующимъ, стремительнымъ потокомъ
Прельщенный, я стою въ раздуміи глубокомъ;
Не эти зрѣлища угрюмыя земли
Плѣнили душу мнѣ и взоръ мой привлекли, —
Нѣтъ! Брошенный сюда далекою луною,
Мнѣ милъ привѣтный лучъ, играющій съ волною.
Нежданно проскользнувъ среди густыхъ вѣтвей,
И искрясь, и дрожа, онъ такъ ласкался къ ней!
Такъ блескъ его въ водѣ былъ нѣженъ и пріятенъ!
И тайный смыслъ его мнѣ сталъ тогда понятенъ...

О, небо чистое! со звѣздной высоты
На землю темную смотря любовно, ты
Меня, печальнаго, во мракѣ отыскало
И къ примирительной бесѣдѣ призывало...

1855 г.

◄•►

НА КЛАДБИЩѢ.

•

Сквозь деревья освѣщаются гробницы,
По плитамъ скользитъ узорчатая тѣнь;
Въ знойномъ воздухѣ поютъ и рѣютъ птицы;
Надъ усопшими ликуетъ красный день.

Разрослись деревья; преизбытокъ силы
Дышитъ въ каждой жилкѣ влажнаго листа;
И кругомъ, куда ни взглянешь на могилы,
И цвѣты нарядны, и трава густа...

Дѣвушка, склонившись, плачетъ надъ могилой;
На щекахъ играетъ молодая кровь;
Въ сердцѣ юномъ память о подругѣ милой
Смѣнитъ къ милому горячая любовь...

Онъ тебя полюбитъ; поживешь на свѣтѣ, —
Поклониться праху пожелаешь ты,
И придутъ съ тобою на могилу дѣти,
И манить ихъ будутъ новые цвѣты.

Мнимымъ наслажденьемъ этой жизни мнимой
Будутъ и они какъ благомъ дорожить...

Слышны вопли; снова гробъ проносятъ мимо,
Снова кто-то кончилъ, коль не началъ жить...

Нѣтъ, не нахожу я въ сердцѣ примиренья
Съ этой ложью обольстительнаго сна.
Правда есть; но правда смерти, правда тлѣнья —
Правда на землѣ возможная одна...

И сидѣлъ я долго на плитѣ гробницы;
Отъ вѣтвей узорно колебалась тѣнь;
Воздухъ знойный пѣньемъ оглашали птицы;
Надъ могилами сіялъ веселый день.

И мгновенной жизнью пользуясь безпечно,
Проходили люди шумною толпой;
А во храмѣ, славя радость жизни вѣчной,
Грустно пѣли: «со святыми упокой...»

1855 г.

•► ◄•

ДОРОЖНАЯ ВСТРѢЧА.

Ѣдетъ на встрѣчу мнѣ боромъ дремучимъ,
Въ длинную гору, надъ самымъ оврагомъ,
Все по пескамъ, по глубокимъ, сыпучимъ —
Ѣдетъ карета дорожная шагомъ.

Лѣсъ и дорога совсѣмъ потемнѣли;
Въ воздухѣ смолкли вечерніе звуки;
Мрачно стоятъ неподвижныя ели,
Вдаль протянувъ свои вѣтви, какъ руки.

Лошади медленнѣй тянутъ карету,
И ямщики погонять ужъ устали;
Слышу я—молятся: «дай-то Богъ къ свѣту
Выбраться въ поле!..» Вдругъ лошади стали.

Врѣзались разомъ колеса глубоко;
Крикъ не поможетъ: не сдвинешь, хоть тресни!
Все пріутихло... и вотъ, недалеко
Птички послышалась звонкая пѣсня...

Кто же въ каретѣ? Супругъ ли сановный
Рядомъ съ своей пожилою супругой, —

Спятъ, убаюканы качкою ровной
Гибкихъ рессоръ и подушки упругой?

Или сидитъ въ ней чета молодая,
Полная жизни, любви и надежды?
Передъ природою, сладко мечтая,
Оба открыли и сердце, и вѣжды.

Пѣніе птички имъ слушать отрадно, —
Голосъ любви они внятно въ немъ слышатъ;
Звѣзды, деревья и воздухъ прохладный
Тихой и чистой поэзіей дышатъ...

Стали межъ тѣмъ ямщики собираться.
Скучно имъ ѣхать песчаной дорогой,
Да ночевать не въ лѣсу же остаться...
«Съ Богомъ! дружнѣе вытягивай! трогай!..»

1856 г.

•► ◄•

* * *

По-русски говорите, ради Бога!
Введите въ моду эту новизну.
И какъ бы вы ни говорили много,
Все мало будетъ мнѣ... О, васъ одну
Хочу я слышать! Съ вами неразлучно,
Не отходя отъ васъ ни шагу прочь,
Я слушалъ бы васъ день, и слушалъ ночь,
И не наслушался-бъ. Безъ васъ мнѣ скучно,
И лишь тогда не такъ тоскливо мнѣ,
Когда могу въ глубокой тишинѣ,
Мечтая, вспоминать о вашей рѣчи звучной.

Какъ русскій вашъ языкъ бываетъ смѣлъ!
Какъ онъ порой своеобразенъ, гибокъ!
И я его лишить бы не хотѣлъ
Ни выраженій странныхъ, ни ошибокъ,
Ни прелести туманной мысли... нѣтъ!
Сердечному предавшися волненью,
Внимаю вамъ, какъ вольной птички пѣнью.

Звучитъ добрѣй по-русски вашъ привѣтъ;
И кажется, что голосъ вашъ нѣжнѣе;
Что умный взглядъ еще тогда умнѣе,
А голубыхъ очей еще небеснѣй цвѣтъ.

1856 г.

ПРИЧИНА РАЗНОГЛАСІЯ.

•

Два господина однажды сошлись;
Чай въ кабинетѣ съ сигарою пили
И разговоромъ потомъ занялись —
Все о разумныхъ вещахъ говорили:
        О томъ, что̀ такое обязанность, право?
        И какъ надо дѣйствовать честно и право,
        Съ пути не сбиваясь ни влѣво, ни вправо?

Кажется, мнѣнье должно быть одно:
Подлость и честь развѣ спорное дѣло?
Бѣлымъ нельзя же назвать что̀ черно,
Также и чернымъ назвать то, что̀ бѣло!
        Пошли у нихъ толки, пошли примѣненья;
        Того и другого терзали сомнѣнья;
        Того и гляди, что раздѣлятся мнѣнья...

Входитъ къ нимъ третье лицо въ кабинетъ,
Въ споръ ихъ вступивши, оно обсудило
Съ новыхъ сторонъ тотъ же самый предметъ —
И окончательно съ толку ихъ сбило...

Одинъ изъ нихъ былъ Титулярный Совѣтникъ,
Межъ тѣмъ какъ другой былъ Коллежскій Совѣтникъ,
А третій—Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.

1856 г.

СЕПТУОРЪ БЕТХОВЕНА.

•

Безсмысленно, во слѣдъ за праздною толпой,
Я долго, долго шелъ избитою дорогой...
Благоразуміемъ я называлъ покой,
Не возмущаемый сердечною тревогой;

Я ни къ кому враждой не пламенѣлъ; привѣтъ
Готовъ былъ у меня всѣмъ встрѣчнымъ безъ изъятья;
Но научить меня не могъ бездушный свѣтъ
Любить и понимать святое слово: братья!

И совѣстно сказать, что жилъ я; мнѣ жилось.
Ни страсти, ни надеждъ, ни горя я не вѣдалъ;
И мыслей собственныхъ я сдерживалъ вопросъ,
И на призывъ другихъ ни въ чемъ отвѣта не далъ.

День за день такъ текли безплодные года...
Разъ я сидѣлъ одинъ. Ни раута, ни бала
Въ тотъ вечеръ не было; и, помню я, тогда
Мнѣ на душу тоска несносная напала...

Меня уже давно безъ зова навѣщать
Она повадилась, какъ вѣрная подруга.

Въ тотъ разъ рѣшился я убѣжища искать
За чайнымъ столикомъ пріятельскаго круга.

Двѣ дамы были тамъ. Нашъ вялый разговоръ
Былъ скученъ. Занялись Бетховеномъ отъ скуки:
Сыграть имъ вздумалось извѣстный септуоръ —
И дружно раздались плѣнительные звуки.

Мнѣ эта музыка была знакома; но
Въ тотъ вечеръ мнѣ она особенно звучала...
Смотрю—въ гостиную открыта дверь; темно
Въ ней было. Я туда ушелъ и сѣлъ. Сначала

Все слушалъ, слушалъ я; потомъ вторая часть —
Andante началось... Глубокое мечтанье
Вдругъ овладѣло мной. Чарующую власть
Имѣло чудное аккордовъ сочетанье!...

Все время прошлое мнѣ вспомнилось; стоялъ
Тотъ призракъ предо мной, какъ смерть безмолвенъ, блѣденъ,
И ясно въ первый разъ тогда я понималъ,
Какъ сердцемъ сухъ и черствъ, какъ жизнію я бѣденъ...

И грустно стало мнѣ! Жалѣлъ я о себѣ,
Объ участи души, надеждами богатой,
Средь свѣтской суеты и въ мелочной борьбѣ
Понесшей на пути утрату за утратой.

Я не съ улыбкою скептической читалъ
Невозвратимыхъ дней мной вызванную повѣсть, —
Я чувству скорбному просторъ и волю далъ;
Заговорила вслухъ встревоженная совѣсть.

Я честно, искренно покаялся во всемъ;
Я больше предъ собой не лгалъ, не лицемѣрилъ;

Не могъ и не хотѣлъ забыть я о быломъ,
Но въ обновленіе свое я твердо вѣрилъ...

И стала музыка отраднѣй мнѣ звучать...
Какъ будто тяжкій сонъ прошелъ,—я пробудился,
И веселѣй смотрѣть, и легче мнѣ дышать,
И сердцемъ наконецъ до слезъ я умилился...

1856 г.

* * *

Странно! мы почти что незнакомы —
Слова два при встрѣчахъ и поклонъ...
А ты знаешь ли? Къ тебѣ влекомый
Сердцемъ полнымъ сладостной истомы —
Странно думать! — я въ тебя влюбленъ!

Чѣмъ спасусь отъ этой я напасти?..
Такъ своей покорна ты судьбѣ,
Такъ въ тебѣ надъ сердцемъ много власти...
Я-жъ, безумный, думать о тебѣ
Не могу безъ боли и безъ страсти...

1857 г.

МЫСЛИТЕЛЮ.

Орелъ взмахнетъ могучими крылами
И, вольный, отрѣшившись отъ земли,
О немощныхъ, влачащихся въ пыли,
Не думаетъ, паря подъ небесами...

Но, отъ мертвящей лжи освободясь
И окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы свѣтлой и просторной
Ты, возлетѣвъ, покинешь мракъ и грязь;

Когда почувствуешь, какъ послѣ смрадной
И долго угнетавшей тѣсноты
Трепещетъ грудь отъ радости, и ты
Вдыхаешь воздухъ чистый и прохладный:

О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,

Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ!..

Когда-жъ они безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу;—

Съ высотъ своихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ невѣжественнымъ страхомъ,
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и съ прахомъ
И смѣлому полету научи!..

1857 г.

•► ◄•

ОХОТА.

•

Съ утра я скитаюсь безъ пользы и толку...
Надвинулась новая туча!
Бросаю охоту и прячусь подъ елку,
Дождемъ безпрерывнымъ наскуча.
А все еще лѣсъ оглашаетъ охота,
И голосъ несется собачій...
Порскаютъ охотники... выстрѣлилъ кто-то...
Побѣду трубитъ доѣзжачій.

Опять прояснилось. Гляжу я на небо,
На влажныя лѣса макушки,
На желтое поле созрѣвшаго хлѣба,
На свѣжую зелень опушки.
Стою хоть съ ружьемъ, но безъ всякой заботы;
Мечтаю... Труда никакого...
Чу!.. Слышится вновь приближенье охоты,
И туча сбирается снова...

Раскинулась радуга лентой широкой;
Вдали виденъ дождь полосами;
Въ лѣсу прокатился гулъ грома далекій...
Вотъ заяцъ присѣлъ за кустами!

Косыхъ-то здѣсь много, да жаль что не хромыхъ,
По мнѣ черезчуръ они прытки.
Попробую, впрочемъ, я въ этого... Промахъ!
Другой ужъ не будетъ попытки.

Вотъ гончія слѣдъ отыскали горячій...
А дождикъ все болѣ и болѣ...
Порскаютъ, стрѣляютъ, трубитъ доѣзжачій...
Охота, знать, пуще неволи!..

1857 г.

•► ◄•

ВОСПОМИНАНІЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ О ПЕТЕРБУРГѢ.

Жаль, что дни проходятъ скоро!
Къ возвращенью время близко.
Снова, небо скрывъ отъ взора,
Тучи тамъ повиснутъ низко.

Ночью, въ дождь, слезами словно
Обольются тамъ окошки;
А на улицѣ безмолвной,
Дребезжа, проѣдутъ дрожки;

Да очнувшись: вора нѣтъ ли,—
Стукнетъ палкой дворникъ сонный;
Да визжать на ржавой петлѣ
Будетъ крендель золоченый...

1857 г.

ЗИМНІЯ КАРТИНКИ.

•

1.

Первый снѣгъ.

Миновали дождливые дни —
Первый снѣгъ неожиданно выпалъ.
И всѣ крыши въ селѣ, и плетни,
И деревья въ саду онъ усыпалъ.

На охоту выходятъ стрѣлки...
Я, признаться, стрѣлокъ не хорошій;
Но день цѣлый, спустивши курки,
Я брожу и любуюсь порошей.

Заходящее солнце укрывъ,
Лѣсъ чернѣетъ на небѣ румяномъ,
И ложится огнистый отливъ
Полосами по снѣжнымъ полянамъ;

Тѣнь огромная вслѣдъ мнѣ идетъ,
Я конца ей не вижу отсюда;
На болотѣ застынувшемъ ледъ
И прозраченъ, и тонокъ, какъ слюда...

Вотъ снѣжокъ серебристый летитъ
Вновь на землю изъ тучки лиловой,
И полей умирающій видъ
Облекаетъ одеждою новой...

1857 г.

2.

Еще воспоминаніе о Петербургѣ.

Снова снѣгъ пушистый увидали мы,
Наискось летящій...
Закрутилъ онъ къ ночи, словно средь зимы,
Вьюгой настоящей.

Ничего не видно въ темное окно;
Мокрый снѣгъ на стеклахъ.
Будетъ завтра утромъ все занесено
На поляхъ поблеклыхъ...

Комната уютна, печка горяча,—
Что̀ мнѣ до мятели?
Далеко за полночь, но горитъ свѣча
У моей постели.

Сердце мнѣ сжимаютъ, какъ передъ бѣдой,
Вслѣдъ за думой дума:
Ужъ близка неволя съ пошлой суетой
Городского шума.

Этотъ міръ чиновный, этотъ блескъ и шумъ —
Тягостное иго!
Нужно мнѣ приволье для свободныхъ думъ,
Тишина и книга...

1857 г.

3.

Зимняя прогулка въ деревнѣ.

Видъ родной и грустный!.. Отъ него нельзя
Оторваться взору...
Тянутся избушки, будто бы скользя
Вдоль по косогору...

Изъ лощины тѣсной выше поднялся
Я крутой дорогой;
И тогда деревня мнѣ открылась вся
На горѣ отлогой.

Снѣжная равнина облегла кругомъ;
На деревьяхъ иней;
Проглянуло солнце, вырвавшись лучомъ
Изъ-за тучи синей.

Вонъ—старикъ прохожій съ нищенской сумой
Подошелъ къ окошку;
Пробѣжали санки, рыхлой полосой
Проложивъ дорожку.

Вонъ—дроздовъ веселыхъ за рѣкою вдругъ
Поднялася стая;
Снѣгъ во всемъ пространствѣ сыплется какъ пухъ,
Пò вѣтру летая.

Голуби воркуютъ; слышенъ разговоръ
На концѣ селенья;
И опять все смолкло, лишь стучитъ топоръ
Звонко въ отдаленьи...

И смотрѣть, и слушать не наскучитъ мнѣ,
На дорогѣ стоя...
Здѣсь бы жить остаться! Въ этой тишинѣ
Что-то есть святое...

1857 г.

4.

Зимній вечеръ въ деревнѣ.

На тучахъ снѣговыхъ вечерній лучъ погасъ;
Природа въ дѣвственномъ покоится убранствѣ;
Ужъ неба отъ земли не отличаетъ глазъ,
Блуждая далеко въ померкнувшемъ пространствѣ.

Поземный вихрь, весь день носившійся, утихъ;
Но въ небѣ нѣтъ луны, нѣтъ блестокъ въ глыбѣ снѣжной;
Въ потьмахъ кусты ракитъ и прутья липъ нагихъ
Рисункомъ кажутся набросаннымъ небрежно.

Ночь приближается; стихаетъ жизнь села;
Но каждый звукъ слышнѣй... Вотъ скрипнули ворота,
Вотъ голосомъ ночнымъ ужъ лаять начала
Собака чуткая... вдали промолвилъ кто-то.

Вотъ безотрадная, какъ приговоръ судьбы,
Тамъ пѣсня раздалась... Она въ пустой полянѣ
Замретъ, застонетъ вновь... То съ поздней молотьбы
На отдыхъ по домамъ расходятся крестьяне.

1857 г.

ПОСЛѢДНЯЯ ПРИСТАНЬ.

Мнѣ во дни печали умъ мой рисовалъ
Грустную картину:
Зимній день въ деревнѣ. Я одинъ. Насталъ
Часъ моей кончины...

И въ окно гляжу я; — вихрь не унялся,
Все сердито воетъ;
Ужъ мой домъ онъ скоро, снѣгомъ занеся,
Отъ прохожихъ скроетъ.

Вкругъ меня такъ пусто, словно край земли —
Мой пріютъ далекой...
Разстаюсь я съ жизнью, ото всѣхъ вдали,
Въ тишинѣ глубокой...

1857 г.

* * *

Я музыкальнымъ чувствомъ обладаю,
Я для любви возвышенной рожденъ
И ни на что ее не промѣняю, —
Я въ стройныя созвучія влюбленъ.
Природа — музыка! тебѣ внимаю...
Не умолкая, пѣснь свою поетъ
Весь міръ про жизнь, которою онъ дышитъ, —
И тотъ блаженъ, кто слушаетъ и слышитъ!
О, сколько онъ узнàетъ и пойметъ, —
Развѣдавъ путь въ звучащій міръ гармоній, —
Непонятыхъ поэмъ, невѣдомыхъ симфоній!..

1857 г.

O, BEATA SOLITUDO! O, SOLA BEATITUDO!

Поры той желанной я жду — не дождусь,
Какъ съ городомъ тѣснымъ и шумнымъ прощусь!
Въ деревню уѣду и счастье земное
Познаю въ трудѣ и въ разумномъ покоѣ.
Спаси тогда, Боже, отъ всякой бѣды,
Отъ раннихъ морозовъ, отъ полой воды,
Отъ бури, червя, градобитья, безводья,
И садъ мой, и ниву, и всѣ тѣ угодья,
Что̀ видитъ съ холма мой заботливый взоръ,
Гдѣ ходятъ соха, и коса, и топоръ!
Избави меня отъ житейскаго сора,
Отъ мелкихъ страстей, отъ тщеславнаго вздора...
И если для умныхъ, свободныхъ бесѣдъ,
Для чувствъ изліяній, развѣдаютъ слѣдъ
Къ пріюту пустынному другъ иль подруга, —
Съ востока и съ запада, съ сѣвера, съ юга —
Границы усадьбы моей охрани
Отъ близкихъ сосѣдей, отъ дальней родни!

1857 г.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ СКВОРЕЦЪ.

•

Скворушка, скворушка! Глянь-ко, какъ пышно
Дерево гибкія вѣтви развѣсило!
Солнце сверкаетъ на листьяхъ и слышно,
Какъ межъ собой они шепчутся весело.

Что-жъ ты сидишь такой чопорный, чинный?
Что не летаешь, не рѣзвишься, скворушка?
Хвостикъ коротенькій, носъ зато длинный,
Ножки высокія, пестрое перышко.

Вскочишь на вѣтку, соскочишь обратно;
Смотришь лѣниво на листья зеленые;
Пѣть не поешь, а бормочешь невнятно,
Будто съ просонья, слова заученыя.

Ты удивленія, птица, достойна;
Этакихъ птицъ на свободѣ не видано;
Очень ужъ что-то смирна и пристойна —
Въ клѣткѣ, знать, вскормлена, въ клѣткѣ воспитана.

Скворушка, скворушка, ты съ непривычки
Чуешь на волѣ тоску и лишенія;

Ты вѣдь не то, что всѣ прочія птички,
Дружныя съ волею прямо съ рожденія.

Вонъ какъ играютъ! Высоко, высоко
Въ небѣ ихъ стая нестройная носится;
Въ полѣ, въ лѣсу, за рѣкою далеко
Слышится звонкая разноголосица.

1857 г.

•► ◄•

СОГЛЯДАТАЙ.

Я не одинъ; всегда насъ двое.
Другъ друга ненавидимъ мы.
Ему противно все живое;
Онъ — духъ безмолвія и тьмы.

Онъ шепчетъ страшныя угрозы,
Онъ видитъ все. Ни мысль, ни вздохъ,
Ни втайнѣ льющіяся слезы
Я отъ него сокрыть не могъ.

Не смѣя сѣсть со мною рядомъ
И повѣсти открыто рѣчь,
Онъ любитъ вскользь лукавымъ взглядомъ
Движенья сердца подстеречь.

Не разъ терялъ я бодрость духа,
Пугали мысль мою не разъ
Его внимающее ухо,
Всегда за мной слѣдящій глазъ.

Быть можетъ, онъ меня погубитъ;
Борьба моя съ нимъ не легка...
Что будетъ — будетъ! Но пока —
Все мыслитъ умъ, все сердце любитъ!..

1857 г.

•► ◄•

ПОЧЕМУ?

Съ тѣхъ поръ какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ
Подъ игомъ зла и заблужденья,—
Въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья,
Умомъ ужъ не одинъ разоблаченъ кумиръ;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала...
Но почему-жъ доселѣ и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно, такъ тѣсно?
Такъ много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано, что̀ честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да! *почему*: и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что̀ радуетъ и мучитъ?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
Который знанью не научитъ,—

Все будемъ требовать отвѣта: *почему?*
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

1857 г.

НИЩАЯ.

Съ ней встрѣтились мы средь открытаго поля
Въ трескучій морозъ. Не лѣта̀
Ее истомили; но горькая доля,
Но голодъ, болѣзнь, нищета,
Ярмо крѣпостное, работа безъ прока
Въ ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одеждъ на ней были надѣты;
Спеленатый грубымъ тряпьемъ,
Ребенокъ, заботливо ею пригрѣтый,
У сердца покоился сномъ...
Но если не сжалятся добрые люди,
Проснувшись, найдетъ ли онъ пищи у груди?

Шептали мольбу ея блѣдныя губы,
Рука подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны въ шубы;
Насъ тройка лихая несла,
Снѣгъ мерзлый взметая, какъ облако пыли...
Тогда въ монастырь мы къ вечернѣ спѣшили.

1857 г.

*
* *

Когда очнусь душою праздной
И станетъ страшно за себя,—
Бѣгу я прочь съ дороги грязной,
И негодуя, и скорбя...
Болящимъ сердцемъ я тоскую
И узы спутанныя рву;
И съ неба музу мнѣ родную
Въ молитвѣ пламенной зову...

Когда-жъ на зовъ она слетаетъ,
Какъ лѣтній сумракъ хороша,
И искаженная душа
Свой первообразъ въ ней узнаетъ,—
Какъ больно, слѣдуя за ней,
Въ ту область, гдѣ свѣтлѣй и чище,
Переносить свое кладбище
Погибшихъ звуковъ и тѣней!..

1857 г.

*
* *

Мы долго лежали повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы за̀живо тлѣемъ въ гробахъ;
Забита тяжелая крыша...

Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала,—
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.

Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,—
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта!..

1857 г.

СКАЗКА О ЖИВЫХЪ МЕРТВЕЦАХЪ.

Граждáне—по чину, по навыку въ службѣ—витіи,
Два зрѣлые мужа судили о благѣ Россіи,
И такъ были плавны, умны и блестящи ихъ рѣчи,
Какъ будто они говорили на вѣчѣ.

По мнѣнью ихъ—«общество станетъ на прочныхъ основахъ
При старыхъ началахъ съ прибавкою къ онымъ изъ новыхъ
И съ тѣмъ, чтобы къ знанью законовъ и догматовъ вѣры
Немедля принять надлежащія мѣры.

«Чтобъ не былъ начальникъ источникомъ золъ и напасти,
Въ народѣ потребно развить уваженіе къ власти;
Полезно бы ложь и пороки преслѣдовать гласно,—
Но такъ, чтобы не было это опасно.

«Потомъ, безъ сомнѣнья, появятся съ помощью Бога
Въ чиновникахъ честность, въ бумагахъ изящество слога,
И общее будетъ тогда благоденствіе близко—
Когда сократится въ судахъ переписка.

«Лишь долгая опытность въ службѣ и практика въ жизни
Помогутъ устройству порядка въ любимой отчизнѣ;

Стремленья-жъ людей молодыхъ хоть разумны и честны,—
Но въ дѣлѣ столь важномъ совсѣмъ неумѣстны!..»

Они продолжали еще излагать свои мнѣнья,
Какъ прямо предъ ними явилося вдругъ привидѣнье...
Ихъ волосы дыбомъ... дрожащія подняты длани...
Прилипнулъ языкъ онѣмѣвшій къ гортани!..

И къ нимъ обратило видѣніе слово такое:
«Оставьте Россію, о, зрѣлые мужи, въ покоѣ!
Но пусть изъ васъ каждый—будь сказано вамъ не въ обиду—
Отслужитъ одинъ по другомъ панихиду!»

Исчезло видѣнье, и жутко имъ стало обоимъ.
Ихъ члены дрожали, объяты морозомъ и зноемъ...
Пригрезилось имъ, или вправду? не знаю я... То-есть—
Быть можетъ—видѣнье, а можетъ быть—совѣсть.

Потомъ они стали въ себя приходить понемногу;
Тотъ руку тихонько подыметъ, тотъ выдвинетъ ногу,
И въ знакъ, что осталась свобода ихъ тѣлодвиженьямъ—
Расшаркнулись другъ передъ другомъ съ почтеньемъ.

Разстались... но тайная долго ихъ грызла досада,
Затѣмъ, что не знали, чему удивляться имъ надо—
(Такъ были ихъ мнѣнья и чувства наивно-правдивы!)
Тому ли, что мертвы? тому ли, что живы?

1858 г.

* * *

Восторгомъ святымъ пламенѣя,
На все, чтò свершается въ мірѣ,
Порой я взираю яснѣе,
Я мыслю свободнѣй и шире.

Я братъ на землѣ всѣмъ живущимъ
И въ жизнь отошедшимъ иную;
И, полонъ мгновеньемъ бѣгущимъ,
Присутствіе вѣчности чую.

Надзвѣздные слышны мнѣ хоры
И стону людскому я внемлю,—
И къ небу возносятся взоры,
И падаютъ слезы на землю.

РАСКАЯНІЕ.

Средь сонма бюрократовъ умныхъ
Я лестной чести не искалъ
Предметомъ быть ихъ толковъ шумныхъ
И поощряющихъ похвалъ.

Я зналъ ихъ всѣхъ; но межъ народомъ
Любилъ скрываться я въ тѣни,
И развѣ только мимоходомъ
Привѣтъ бросали мнѣ они.

Моихъ, однако, убѣжденій
Благонамѣренность цѣня,
Иной изъ нихъ, какъ добрый геній,
Порою въ гору влекъ меня.

Казалось, къ почестямъ такъ близко
И такъ легко... да, видно, лѣнь
Мѣшала мнѣ съ ступени низкой
Шагнуть на высшую ступень.

Мы не сошлись... Но въ нравѣ тихомъ
Не видя обществу вреда,

Они меня за то и лихомъ
Не поминаютъ никогда.

О, я достоинъ сожалѣнья!
Къ чему же я на свѣтѣ жилъ,
Когда ни злобы, ни презрѣнья
Отъ нихъ ничѣмъ не заслужилъ?

1859 г.

ТЯЖЕЛОЕ ПРИЗНАНІЕ.

Я грубой силы—врагъ заклятый
И не пойму ее никакъ,
Хоть всѣмъ намъ часто снится сжатый,
Висящій въ воздухѣ кулакъ;

Поклонникъ знанья и свободы,
Я эти блага такъ цѣню,
Что даже въ старческіе годы,
Быть можетъ, имъ не измѣню;

Хотя-бъ укоръ понесъ я въ лести
И восхваленьи сильныхъ лицъ,
Предъ подвигомъ гражданской чести
Готовъ повергнуться я ницъ;

Мнѣ жить нельзя безъ женской ласки,
Какъ міру безъ лучей весны;
Поэмы, звуки, формы, краски—
Какъ хлѣбъ насущный мнѣ нужны;

Я посѣщать люблю тѣ страны,
Гдѣ, при побѣдныхъ звукахъ лиръ,

Съ челомъ вѣнчаннымъ великаны
Царятъ Бетховенъ и Шекспиръ;

Бродя въ лугахъ иль темной рощѣ,
Гляжу съ любовью на цвѣты,
И словомъ—выражусь я проще—
Во мнѣ есть чувство красоты.

Но если такъ, то я загадка
Для психолога. Почему-жъ,
Когда при мнѣ красно и сладко
Рѣчь поведетъ чиновный мужъ

О пользѣ, о любви къ отчизнѣ,
О чести, правдѣ,—обо всемъ,
Что̀ намъ такъ нужно въ нашей жизни,
Хоть и безъ этого живемъ;

О томъ, какъ юнымъ патріотамъ
Служить примѣромъ онъ готовъ
По государственнымъ заботамъ,
По неусыпности трудовъ;

О томъ, что̀ Русь въ державахъ значитъ,
О томъ, какъ Богъ ее хранитъ,
И вдругъ, растроганный, заплачетъ,—
Меня при этомъ не тошнитъ?..

1859 г.

—•►—◄•—

ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Вступилъ я въ жизнь къ борьбѣ готовый,—
Но скоро кончилась борьба!..
Неумолимъ былъ рокъ суровый
И на меня надѣлъ оковы,
Какъ на мятежнаго раба.
Покорно несъ я злую долю
И совѣсть робкая лгала;
Она меня на свѣтъ, на волю
Изъ тьмы безмолвной не звала.
Шла мимо жизнь, шло время даромъ!
Вотще я братьевъ слышалъ стонъ,—
Не ударялъ мнѣ въ сердце онъ
Больнымъ, сочувственнымъ ударомъ...
Когда теперь смотрю назадъ,
На время юности порочной,—
Среди пустыни, въ тьмѣ полночной
Блуждаетъ мой печальный взглядъ.
Вотъ мной пройденная дорога...
Ея предательскій изгибъ
Велъ къ страшной безднѣ!.. Много, много
Изъ насъ погибло... Воля Бога
Меня спасла,—я не погибъ.

Но не стою я горделиво,
Увѣнчанъ славою побѣдъ...
Еще въ душѣ воскресшей нѣтъ
Съ минувшимъ полнаго разрыва.
Я долго жилъ средь скверни и золъ!
У ихъ нечистаго подножья
Тупѣла мысль, нѣмѣлъ глаголъ,
Изнемогала сила Божья.
Еще я трепетомъ объятъ,
Еще болитъ живая рана
И на меня, какъ изъ тумана,
Видѣнья прежнія глядятъ:
И, полнъ знакомой мнѣ боязнью,
Еще я взгляды ихъ ловлю,
Мнѣ угрожающіе казнью
За то, что мыслю и люблю...

1859 г.

*
* *

Когда, еще живя средь новыхъ поколѣній,
Я поздней старости заслышу тяжкій ходъ,
И буря пылкихъ чувствъ, восторженныхъ стремленій
И смѣлыхъ помысловъ въ душѣ моей заснетъ,—
Тогда съ людьми прощусь и, поселясь въ деревнѣ,
Средь быта мирнаго, природы чтитель древній,
Я пѣсни въ честь ея прощальныя сложу
И сельской тишины красу изображу.
Пойду-ль бродить въ поляхъ, я опишу подробно
Мой путь среди цвѣтовъ, растущихъ вдоль межи,
И воздухъ утренній, и шорохъ спѣлой ржи,
Своимъ движеніемъ—морскимъ волнамъ подобной.
Подъ вечеръ сяду ли къ любимому окну,—
Я разскажу, какъ день на небѣ догораетъ,
Какъ ласточка, звеня, въ лучахъ его играетъ,
А рѣзвый воробей уже готовъ ко сну
И, смолкнувъ, прячется подъ общую намъ крышу;
Скажу, что на зарѣ вдали я пѣсню слышу...
На все откликнется мой дружелюбный стихъ;
Но, Боже, до конца оставь мнѣ слухъ и зрѣнье,
Какъ утѣшеніе послѣднихъ дней моихъ
И ужъ единственный источникъ вдохновенья!..

1859 г.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ МѢСЯЦЪ.

Какъ разлитыя чернила,
Наша ночь была черна;
Вдругъ надъ лѣсомъ очень мило
Вышла на небо луна;

Поплелася еле-еле,
Но, споткнувшись на пути,
Съ той поры она доселѣ
Собирается взойти.

И взойдетъ ли—мы не знаемъ,
Время будто замерло,
Распахнувъ надъ соннымъ краемъ
Неподвижное крыло...

Сонмы силъ живыхъ и крѣпкихъ!
Побѣдите эту блажь;
Отъ верхушекъ лѣса цѣпкихъ
Оторвите мѣсяцъ нашъ!

Помогите! съ мѣста троньте!
Сталъ противенъ онъ для глазъ,

Пригвожденъ на горизонтѣ
Какъ аляповатый тазъ!

Все онъ тотъ же; ночь все та же;
Да и мы, для красоты,
Въ этомъ глупомъ пейзажѣ
Въ тѣхъ же позахъ заперты.

1859 г.

* * *

Свѣтло какъ въ полдень,—лампы, свѣчи;
Изященъ свѣтскій видъ мужчинъ;
Открыли дамы грудь и плечи;
И за столомъ, средь яствъ и винъ,
Они ведутъ пустыя рѣчи...

А небо хмуро и черно;
Въ тиши зловѣщей зрѣетъ буря;
Бѣда сбирается давно...
Но имъ покуда все равно,—
Они смѣются, балагуря...

1859 г.

СОСЛОВНЫЯ РѢЧИ.

Вослѣдъ за рѣчью рѣчь звучала:
«Народъ, законность, власть, права...»
Что̀-жъ это? громкія-ль слова?
Или гражданскія начала?..
Нѣтъ! гражданинъ сословныхъ правъ
Ярмомъ на земство не наложитъ!
И возглашать никто не можетъ, —
Народной думы не узнавъ
И отъ земли не полномоченъ, —
Что строй его правдивъ и проченъ!
Тотъ строй законенъ и живучъ,
Гдѣ равноправная свобода,
Какъ солнце надъ главой народа,
Льетъ всѣмъ живительный свой лучъ.
Во имя блага съ мыслью зрѣлой, —
И кромѣ блага—ничего!
Такъ вѣковое зиждутъ дѣло
Вожди народа своего.
А васъ, сословные витіи,
Васъ духъ недобрый подъучилъ
Почетной стражей стать въ Россіи
Противъ подъема русскихъ силъ!

1864 г.

* * *

О, скоро-ль минетъ это время,
Весь этотъ нравственный хаосъ,
Гдѣ прочность убѣжденій—бремя,
Гдѣ подвигъ доблести—доносъ;
Гдѣ, послѣ свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь въ толпѣ безсвязной
Ни чистой личности отъ грязной,
Ни вольнодумца отъ раба;
Гдѣ быта стараго оковы
Уже поржавѣли на насъ,
А свѣточъ, путь искавшій новый,
Чуть озаривъ его, погасъ;
Гдѣ то, чтò прежде создавала
Живая мысль, идетъ пока
Какъ бы снарядъ, идущій вяло
И силой прежняго толчка;
Гдѣ стыдъ и совѣсть убаюкать
Мы всѣ желаемъ чѣмъ-нибудь,
И только-бъ намъ ладонью стукать
Въ «патріотическую» грудь!..

1870 г.

*

Эпохи знаменіе въ томъ,
Что ложь безстыжая возстала
И въ бытъ нашъ лѣзетъ на-проломъ
Наглѣй и явнѣй, чѣмъ бывало...
О, глубоки еще слѣды
Пороковъ старыхъ и вражды
То затаенной, то открытой
Къ голодной черни, черни сытой!
Героевъ времени вражда.
Ко всѣмъ дѣламъ гражданской чести
Не знаетъ мѣры и стыда.
Какъ червь, ихъ точитъ жажда мести,
Вотъ наша язва! Вотъ предметъ
И отвращенія, и смѣха!
У нихъ иной заботы нѣтъ,
Лишь бы загадить путь успѣха
Нечистотой своихъ клеветъ...

1870 г.

КЕНТАВРЪ.

Свершилось чудо!.. Червь презрѣнный,
Который прежде, подъ землей,
Плодясь въ стыдѣ и потаенно,
Не выползалъ на свѣтъ дневной;
Который зналъ въ былые годы,
Что могъ онъ только воровски
Губить богатой жизни всходы,
Въ тиши подтачивать ростки,—
Преобразясь, возсталъ изъ праха!
Ничтожный гадъ сталъ крупный звѣрь;
И, прежняго не зная страха,
Подчасъ пугаетъ самъ теперь.
Заговоривъ людскою рѣчью,
Какъ звѣри сказочныхъ временъ,
Какъ бы природу человѣчью
Порой выказываетъ онъ.
Знать, съ классицизмомъ воротился
Миѳологическій къ намъ вѣкъ:
Ни жеребецъ, ни человѣкъ—
Кентавръ въ Россіи народился.

Носясь то вдоль, то поперекъ
По нашимъ нивамъ, весямъ, градамъ;
Кидая грязью съ рѣзвыхъ ногъ,
Взметая пыль, лягая задомъ,—
Когда онъ, бѣшеный, бѣжитъ,
То съ конскимъ ржаніемъ, то съ крикомъ
И топчетъ все въ порывѣ дикомъ,—
Сама земля подъ нимъ дрожитъ!..
И утомясь, но все же гордый,
Что совершилъ безумный бѣгъ,
Съ своей полуживотной морды
Онъ пѣной фыркаетъ на всѣхъ...
И всѣ сторонятся, робѣя,
Чтобъ онъ не могъ кого-нибудь,—
Принявъ, конечно, за плебея,—
Иль оплевать, или лягнуть.
Въ ляганьѣ вся задача скрыта;
Вся сила—въ мускулахъ ноги...
Какая-жъ мысль, давя мозги,
Приводитъ въ дѣйствіе копыта?
Судя по всѣмъ чертамъ лица,
Нѣтъ мысли! Кромѣ развѣ задней...
Зато природа жеребца
Въ немъ совершеннѣй и пригляднѣй...
Что за хребетъ! и что за ростъ!
Налюбоваться мы не можемъ!
Какъ гордо онъ вздымаетъ хвостъ,—
Своею мыслію тревожимъ...

Иныхъ мыслителей въ Москвѣ
Теперь, повидимому, бѣситъ,
Что, стать пытаясь во главѣ,
Кентавръ межъ нами куралеситъ.

Имъ злой почудился въ немъ духъ;
Глядятъ впередъ они тревожно...
Съ ихъ стороны такой испугъ
Мнѣ непонятенъ. Невозможно
Играть безплоднѣе въ слова
Иль заблуждаться простодушнѣй...
Вѣдь ты-жъ сама была, Москва,
Его заводскою конюшней!..

1870 г.

—•►—◄•—

СОВРЕМЕННОМУ ГРАЖДАНИНУ.

Дай оглянусь...
Пушкинъ.

Ты побѣдилъ!.. Всѣ силы жизни
Ты положилъ въ борьбу... Ну, что-жъ?
Ты въ комъ обрѣлъ любовь къ отчизнѣ?
Въ комъ честь?.. Гдѣ истина? Гдѣ ложь?..
Скажи, о, совопросникъ вѣка,
Что̀ есть безумецъ? что̀—мудрецъ?
Гдѣ-жъ отыскалъ ты человѣка
И гражданина наконецъ?..
Прочтемъ временъ недавнихъ повѣсть...
Она печальна и мрачна.
Въ ней нашъ позоръ. Предъ ней должна
Скорбѣть общественная совѣсть!
Не говори мнѣ о врагахъ
Не говори мнѣ объ измѣнѣ...
Не трогай тѣхъ, кто въ рудникахъ;
Оставь въ покоѣ мертвыхъ тѣни...
Что осужденныхъ намъ судить?
Не будемъ плакать или охать;
Но... и довольно ихъ язвить,
Довольно тѣшить злости похоть...

Поговоримъ съ тобой о тѣхъ,
Кто, обезславленные нами,
За тотъ одинъ страдали грѣхъ,
Что не покрыты сѣдинами...
Съ какою злобою тупой,
Съ какимъ самодовольствомъ глупымъ
Мы приговоръ читали свой
Надъ пыломъ юности живой,
Какъ будто лекцію надъ трупомъ!..
Не мы-ль, безумные, тогда
О здравомысліи радѣя,
Безспорнымъ признакомъ злодѣя
Считали юные года?
Не мы-ль, какъ безнадежно падшихъ,
На посрамленье всей земли
И сыновей и братьевъ младшихъ
Къ столбамъ позорнымъ привели?
Припомнимъ подвиги другіе...
О тѣхъ съ тобой поговоримъ,
Чьи думы и дѣла благія
Теперь разсѣялись какъ дымъ.
Кто насъ вернулъ на путь обратный?
И чьей рукою святотатной
Разрушенъ жизни честный строй,
Чтобы создать на немъ другой —
Благонамѣренно-развратный?
И этой лжи, и этой тьмы
Намъ неизвѣстностью грозящей, —
Кто ихъ виновникъ настоящій?
Мы сами! да, съ тобою мы!...

Хотѣли-ль мы порядокъ стройный
Отъ смутныхъ оградить тревогъ,
Взнуздать мы думали-ль порокъ

И дерзость мысли безпокойной, —
Но въ страшный мы вступили бой,
Всѣ средства въ помощь призывая,
И по землѣ своей родной
Прошли какъ язва моровая!..
Ни страхъ неправды, ни боязнь
Пятна позорнаго на чести —
Не умѣряли злобной мести...
То не борьба была, а казнь!
Пьяны усердія разгуломъ,
Мы, сыщики измѣнъ и смутъ,
Всю Русь на свой призвали судъ,
Чтобъ обвинить ее огуломъ.
Нашъ слухъ все слышалъ; зоркій глазъ
Умѣлъ во всѣ проникнуть щели...
И никого намъ судъ не спасъ
Изъ тѣхъ, кто въ мысляхъ и на дѣлѣ
Честнѣй и чище были насъ!
Мы ихъ святыню оплевали;
Мы клеветали на народъ;
Противъ враговъ, зажавъ имъ ротъ,
Мы власть доносомъ раздражали...
И вотъ—затихло все кругомъ...
Но умъ замолкъ не предъ умомъ.
Свободу, честность, чувства, мысли
Мы задушили, мы загрызли!
Богатой жизни въ темнотѣ
Лежатъ обломки... Люди, дѣло —
Въ первоначальной чистотѣ
Ничто отъ насъ не уцѣлѣло!..

Что-жъ современный гражданинъ!
Что соль земли, столпъ государства,
Питомецъ крѣпостного барства.

Временъ безсудья буйный сынъ!
Зачѣмъ ты, счастливъ и нахаленъ,
Среди погрома и развалинъ
Трубилъ побѣды торжество?
Вѣдь не создашь ты ничего!..
Въ нашъ вѣкъ заснуть умомъ не можно;
Несчастье это понялъ ты,
Подчасъ лаская съ страстью ложной
Благообразныя мечты...
Обманъ!.. Въ сокровищницу міра
Самъ ничего ты не принесъ!
Ты гложешь, какъ голодный песъ,
Остатки прерваннаго пира...

1870 г.

ЛИТЕРАТОРЫ-ГАСИЛЬНИКИ.

«Свободѣ слова, статься можетъ,
Грозитъ нежданная бѣда...»
Чтò-жъ въ этомъ слухѣ ихъ тревожитъ?
Чтò ропщутъ эти господа?..
Корятъ стѣснительныя мѣры?
Дрожатъ за русскую печать?
Движенье умственное вспять
Страшитъ ихъ, что ли?.. Лицемѣры!..
Великодушный ихъ порывъ
Есть ложь! Они, одной рукою
Успѣшно жертву придушивъ,
На помощь къ ней зовутъ другою.

Храни насъ Богъ отъ мѣръ крутыхъ,
Отъ каръ суроваго закона,
Чтобы подъ вѣчнымъ страхомъ ихъ
Народа голосъ не затихъ,
Какъ было то во время òно;
Но есть великая препона
Свободѣ слова—въ насъ самихъ!
Сперва возстанемъ силой дружной

На тѣхъ отступниковъ изъ насъ,
Которымъ любо или нужно,
Чтобъ русскій умъ опять угасъ.
Начнемъ борьбу съ преступнымъ дѣломъ
И не дозволимъ впредь никакъ,
Чтобы свободной мысли врагъ,
Съ осанкой важной, съ нравомъ смѣлымъ,
Со свитой сыщиковъ-писакъ
И сочиняющихъ лакеевъ,
Какъ власть имѣющій,—возникъ
Изъ насъ газетный Аракчеевъ,
Литературный временщикъ...

Тому едва ли больше году,—
(Вѣдь безцензурная печать
Уже намъ мыслить и писать
Дала, такъ думалось, свободу!)
Когда-бъ я, дерзкій, захотѣлъ
Представить очеркъ даже слабый
Народныхъ язвъ и темныхъ дѣлъ
На судъ согражданъ,—о, тогда бы
Какой я силой могъ унять
И клевету, и обвиненья?
Чѣмъ опровергнуть подозрѣнья?
Какія мѣры могъ принять,
Чтобы писака современный
Въ какой-нибудь статьѣ презрѣнной,
Меня «измѣнникомъ» назвавъ,
Значенье правды не ослабилъ;
Чтобъ онъ моихъ священныхъ правъ
Быть «русскимъ» ловко не ограбилъ;
Чтобъ уськнуть онъ не смѣлъ толпу,
Иль крикнуть голосомъ побѣднымъ
Съ сіяньемъ доблести на лбу,

При сочетаньѣ съ блескомъ мѣднымъ;
Чтобъ у него отнять предлогъ
Для намекающей морали;
Чтобы того, что̀ ужъ жевали,
Онъ пережевывать не могъ;
Чтобъ онъ газетной этой жвачки
Не изблевалъ передо мной
Ни изъ-за денежной подачки,
Ни хоть: «изъ чести лишь одной» *);
Чтобъ онъ, какъ шарятъ по карманамъ,
Не вздумалъ лазить въ душу мнѣ
И, побывавъ на самомъ днѣ,
Представить опись всѣмъ изъянамъ;
Чтобъ даже онъ не рылся тамъ
Для похвалы, что все-молъ чисто,
Но въ ней потомъ оставилъ самъ
Слѣды и запахъ публициста?..

Теперь какъ будто для ума
Есть больше воли и простора, —
Хоть наша рѣчь ещѐ не скоро
Освободится отъ клейма
Литературнаго террора...
Несли мы рабски этотъ гнетъ;
Привыкли къ грубымъ мы ударамъ.
Такое время не пройдетъ
Для нашей нравственности даромъ...
И если мы когда-нибудь
Поднимемъ дружно чести знамя,
И вступимъ всѣ на свѣтлый путь,
Который былъ заброшенъ нами;

*) „Изъ чести лишь одной я въ домѣ семъ служу“. Такъ въ одной рукописной поэмѣ объясняетъ служанка позоръ своего общественнаго положенія.

И если ждетъ насъ впереди
Родного слова возрожденье,
И станутъ во главѣ движенья
Съ душой высокою вожди,—
Все-жъ не порвать съ прошедшимъ связи
Мы не вспомянемъ никогда
Ни этой тьмы, ни этой грязи
Безъ краски гнѣва и стыда!..

1870 г.

СТАРИКЪ.

•

— Жарко, дѣдушка! Вставай-ка.
Ты подъ солнцемъ цѣлый день...
Вонъ прохладная лужайка
И кругомъ отъ кленовъ тѣнь.

«Не прельщайте тѣнью, дѣти;
Нѣтъ, я съ солнца не сойду!
Знаю самъ, что клены эти
Хороши въ моемъ саду.

«Имъ годовъ теперь не мало,—
Мнѣ ровесники они...
Отдохните вы, пожалуй,
Въ освѣжающей тѣни:

«Но прохлады не хочу я;
Этотъ зной меня живитъ.
Можетъ быть, тепломъ врачуя,
Солнце дни мои продлитъ.

«О, небесное свѣтило!
Озаряй меня и грѣй

На краю сырой могилы,
У предѣла ясныхъ дней!

«Дорожить насъ старость учитъ
Въ жизни солнечнымъ тепломъ.
Будетъ время!... Какъ умремъ—
Въ холодкѣ лежать наскучитъ...»

1870 г.

•➤— ◂•

ВЪ АЛЬБОМЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПОРТРЕТОВЪ.

1.

Съ тѣхъ поръ исполненный тревогъ,
Какъ на ноги крестьяне стали,
Онъ изумленъ, что столько ногъ
Еще земли не растатали.

2.

Съ томленьемъ сумрачнымъ Гамлета,
Но съ большей вѣрой, можетъ быть,
Десятый годъ онъ ждетъ отвѣта
На свой вопросъ: бить, иль не бить?

3.

Ихъ прежде *сливками* считали;
Но вотъ реформъ пришла пора—
И нашей *солью* ихъ прозвали
Стряпни печатной повара.

4.

Пускай собою вы кичитесь—мы не ропщемъ;
(Болотомъ собственнымъ вѣдь хвалится-жъ куликъ!)
Лишь не препятствуйте радѣть о благѣ общемъ...
Vous comprenez... le bien public.

5.

Онъ образумился. Онъ хнычетъ и доноситъ.
Свободы пугало его бросаетъ въ знобъ...
Вотъ такъ и кажется—посѣчь себя попроситъ
Опохмелившійся холопъ.

6.

Онъ вѣчно говоритъ; молчать не въ силахъ онъ;
Межъ тѣмъ и сердца нѣтъ, и въ мысляхъ нѣтъ устоя...
Злосчастный! весь свой вѣкъ на то онъ обреченъ,
Чтобъ опоражнивать пустое.

7.

Свершивъ походъ на нигилизмъ
И осмотрясь не безъ злорадства,
Вдались они въ патріотизмъ
И принялись за казнокрадство.

8.

Онъ былъ такъ глупъ, когда боролись мы умомъ:
Но выгоды познавъ теперешнихъ уловокъ,
Онъ уши навострилъ, взялъ въ руки грязи комъ—
И сталъ межъ насъ уменъ и ловокъ.

9.

Шарманка фразъ фальшиво-честныхъ
Машинка, мелющая вздоръ,
Окрошка мыслей несовмѣстныхъ, —
Ты старый хламъ иль новый сортъ

10.

Затѣмъ глядитъ онъ свысока,
Что собиралъ во время óно
Дань удивленья съ дурака
И умиленія — съ шпіона.

11.

Съ фиглярствомъ, говорятъ, роль гражданъ этихъ сходна.
Но — нѣтъ! Они, храня достоинство и честь,
Вертѣться колесомъ умѣютъ благородно
И величаво — паклю ѣсть.

12.

О, какъ довольны вы!.. Еще бы!
Вамъ вкусъ по свойствамъ вашимъ данъ.
Безъ свѣта, затхлыя трущобы
Вѣдь любитъ клопъ и таракапъ.

13.

Ихъ мучитъ странная забота:
Своихъ согражданъ обязать
Прибавкой къ званью *патріота*
Словъ: *съ позволенія сказать*.

14.

Забытъ и одинокъ онъ, голову понуря,
Идетъ во слѣдъ толпѣ безсильной жертвой зла.
Гдѣ воля? Думы гдѣ?.. Сломила волю буря
И думы крѣпкія, какъ листья, разнесла.

15.

Дойдетъ чреда до васъ, мыслителей-гражданъ!
Но пусть отъ общихъ мѣстъ сперва тошнить насъ станетъ,
И нашихъ дней герой, какъ выпившій буянъ
Съ задорнымъ ухарствомъ ревѣть *ура!*—устанетъ.

1870 г.

ЭПИТАФІИ.

1.

Газетѣ «Вѣсть».

О томъ, что «Вѣсти» нѣтъ, воздержимся тужить:
Она своимъ друзьямъ жить долго приказала;
И «Вѣсти» партія безъ «Вѣсти» будетъ жить,—
Не скажутъ про нее, что безъ вѣсти пропала.

2.

Нашему прогрессу.

Онъ росъ такъ честенъ, такъ уменъ;
Онъ такъ радѣлъ о меньшихъ братьяхъ,
Что былъ Россіей задушенъ
Въ ея признательныхъ объятьяхъ.

3.

Нашей цензурѣ.

Тебя ужъ нѣтъ!.. Рука твоя
Не подымается, чтобъ херить;—
Но духъ твой съ нами, и нельзя
Въ его безсмертіе не вѣрить!..

4.

Нашему институту мировыхъ посредниковъ.

Кто могъ подумать!.. Нашъ успѣхъ
Въ немъ выражался,—и давно ли?..
А ужъ почилъ онъ въ лонѣ тѣхъ,
Кто брали взятки и пороли!..

1871 г.

ДУМЫ ОПТИМИСТА.

Въ лучшемъ изъ міровъ
Все ко благу шествуетъ;
Лишь отъ разныхъ словъ
Человѣкъ въ немъ бѣдствуетъ.

Назовешь ихъ тьму;
Но, иныхъ не трогая,
Напримѣръ возьму:
Убѣжденье строгое.

Или вотъ еще:
Цѣль избравъ полезную,
То я горячо
Людямъ *собольѣзную*:

То я, какъ дитя,
За *свободой* бѣгаю.
Шалость эту чтя
Альфой и омегою.

Всѣмъ своя судьба!
Съ неизбѣжной долею

Всякая борьба —
Пустяки, не болѣе.

Ты смекай умомъ,
Но имѣй смиреніе;
Правила-жъ притомъ
Нѣтъ безъ исключенія.

Рѣчь разумныхъ лицъ
Властью не карается,
Какъ и пѣвчихъ птицъ,
Пѣнье не стѣсняется.

Люди развѣ всѣ
Мрутъ отъ истощенія?
Даже и о псѣ
Видимъ попеченія.

Кабы всѣмъ покой,
И притомъ почтительно
Жить бы подъ рукой
Благопопечительной,

Да слова забыть,
Отъ которыхъ бѣдствія...
Ахъ, могли бы быть
Чудныя послѣдствія!

Опытъ учитъ ждать.
Тѣ безумны націи,
Что спѣшатъ сорвать
Плодъ цивилизаціи.

Впереди — вѣка.
Имъ-то что-жъ останется?

Пусть виситъ пока,
Зрѣетъ да румянится.

Время подойдетъ —
Самъ собою свалится;
И кто съѣстъ тотъ плодъ —
Вѣкъ свой не нахвалится...

Нынѣ же — доколь
Это все устроится —
Были бы хлѣбъ-соль
Да святая троица.

1871 г.

ВЪ ЕВРОПѢ.

Посмотришь, всѣ нѣмцы въ лавровыхъ вѣнкахъ,
Во Франціи — миръ и порядокъ;
А въ сердце все будто бы крадется страхъ
И духъ современный мнѣ гадокъ.

Кулачное право господствуетъ вновь
И, словно нѣтъ дѣла на свѣтѣ,
Намъ жизнь ни почемъ, и пролитая кровь
Намъ видится въ розовомъ цвѣтѣ.

Того и гляди, что еще будетъ взрывъ,
И воины, злы безъ границы,
Могильные всюду кресты водрузивъ,
Крестами украсятъ петлицы.

Боюсь я, что мы, опорожнивъ свой лобъ
Отъ всѣхъ не-военныхъ вопросовъ,
Чрезъ годъ не поймемъ, что̀ за звѣрь—филантропъ,
И спросимъ: что̀ значитъ—философъ?

Тѣмъ больше, что въ наши мудреные дни
Забрали весь умъ дипломаты,

И нужны для міра съ перомъ--лишь они,
Да съ новымъ оружьемъ солдаты.

Два дѣла въ ходу: отрывать у людей
Отъ туловищъ руки и ноги;
Да, будто во имя высокихъ идей,
Свершать безъ зазора подлоги.

Когда же подносятъ съ любезностью въ даръ
Свободу, реформы, науку,—
Я, словно какъ въ циркѣ, все жду, что фигляръ
Предъ публикой выкинетъ штуку.

Всѣ рѣчи болѣзненно рѣжутъ мой слухъ,
Всѣ мысли темны иль нечисты...
На мирную пальму, на доблестный духъ
Мнѣ кажутъ вотще оптимисты.

Видъ символа мира имъ сладокъ и милъ,—
По мнѣ—это чуть ли не розга;
Гдѣ крѣпость имъ чудится нравственныхъ силъ,
Тамъ мнѣ—размягченіе мозга...

1871 г.

ОСЕННIЕ ЖУРАВЛИ.

Сквозь вечернiй туманъ, мнѣ, подъ небомъ стемнѣвшимъ,
Слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй...
Сердце къ нимъ понеслось, издалёка летѣвшимъ,
Изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей.
Вотъ ужъ близко летятъ и все громче рыдая.
Словно скорбную вѣсть мнѣ они принесли...
Изъ какого же вы непривѣтнаго края
Прилетѣли сюда на ночлегъ, журавли?..

Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы;
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля,
И гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска, непогода и слякоть,
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

28 окт. 1871 года.
Югенгеймъ, близъ Рейна.

* * *

Ты на землѣ,—я вижу, другъ,—
Не легкомысленный прохожій.
Ты, полонъ думъ, глядишь вокругъ
И міръ благословляешь Божій.
Въ немъ цѣлей благость видишь ты
И соотвѣтствіе причинамъ,
И сущность вѣчной красоты —
Разнообразное въ единомъ.
Пытливой мыслію въ тайникъ
Силъ міровыхъ ты проникаешь;
Ты изучаешь ихъ изъ книгъ,
Ты ихъ творящихъ созерцаешь...

Ты правъ по множеству причинъ.
Да, наша хороша планета;
И, спора нѣтъ, машина эта
Искуснѣй всяческихъ машинъ.
Колеса движутся безъ смазки,
Не притупляются зубцы;
И вопреки какой-то сказкѣ.

Которой вѣрили отцы,—
Вся цѣликомъ, безъ остановокъ.
Машина вѣчная идетъ...
И какъ отчетливъ, чистъ и ловокъ
Ея огромный, сложный ходъ!
И то сказать: одна ошибка,
Немножко гдѣ-нибудь не такъ,
Чуть-чуть потише, слишкомъ шибко...
И вмѣсто міра—кавардакъ!
Подумать страхъ, что̀-бъ это было,
Когда-бъ земля—Богъ упаси!—
Свой долгъ вертѣться вкругъ оси
Хоть на мгновенье позабыла.
Или представь, что вдругъ исчезъ
Законъ Ньютоновъ тяготѣнья,—
Тогда-бъ въ обители небесъ
Всѣ вознеслись безъ исключенья...
Мнѣ эти случаи привесть
Хотѣлось только для примѣра,
Міръ не блажитъ. Всему въ немъ есть
Свои законы, вѣсъ и мѣра.
Итакъ, ты правъ, его хваля.
Коль исключимъ землетрясенья,
Кой-что еще,—то безъ сомнѣнья
Вещь превосходная—земля.
Но есть явленье на землѣ же,—
Его законы ужъ не тѣ.
Ты смотришь: равновѣсье гдѣ же?
И гдѣ-жъ враждебность къ пустотѣ?
Вѣдь почва тощая, сухая
Небесной влаги больше пьетъ,
Чѣмъ пресыщенная до края;
А межъ людей—наоборотъ.
Изъ нихъ ѣдятъ лишь тѣ, кто сыты.

Что жъ это значитъ? Почему?
Явленья этого уму
Еще законы не открыты.

1872 г.

* * *

Кончено. Нѣтъ ея. Время тревожное,
Время безсонныхъ ночей,
Трепетъ надежды, печаль безнадёжная,
Страхъ и забота о ней;

Нѣжный уходъ за больной моей милою;
Дума и ночи, и дня...
Кончено! Все это взято могилою;
Больше не нужно меня.

О, вспоминать, одинокій, я стану ли
Ночи послѣднихъ заботъ—
Сердце изъ бездны, куда онѣ канули,
Снова ихъ, плача, зоветъ.

Ночь бы одну еще скорбно-отрадную!
Я бы, склонясь на кровать,
Могъ поглядѣть на тебя, ненаглядную,
Руки твои цѣловать...

Другъ мой, сама ты помедлить желала бы,
Лишь бы я былъ близъ тебя;

Ты бы еще пострадала безъ жалобы,
Только пожить бы, любя.

Гдѣ-жъ этотъ зовъ дорогого мнѣ голоса?
Взглядъ за услугу мою?
Взглядъ, когда ты уже съ смертью бороласяи,
Все говорившій:—люблю!

Эта любовь, эта ласка прощальная,
Глазъ этихъ добрыхъ привѣтъ...
Милая, кроткая, многострадальная,
Нѣтъ ихъ ужъ болѣе—нѣтъ!..

1876 г.

* *

Гляжу-ль на дѣтей и грущу
Среди опустѣлаго дома—
Все той же любви я ищу,
Что̀ въ горѣ такъ сердцу знакома...

Къ тебѣ, другъ усопшій, къ тебѣ
Взываю въ безумной надеждѣ,
Что такъ же ты нашей судьбѣ
Родна и причастна, какъ прежде.

Все мнится—я долгой тоской,
Такъ больно гнетущей мнѣ душу,
Смущу твой холодный покой,
Твое безучастье нарушу;

Все жду, что въ таинственномъ снѣ
Мнѣ явишься ты, какъ живая,
И скажешь, съ участьемъ ко мнѣ:
«Поплакать съ тобою пришла я...»

1876 г.

*
* *

Еслибъ ты видѣть могла мое горе —
Какъ ты жалѣла-бъ меня!
Праздникъ встрѣчать мнѣ приходится вскорѣ
Нашего лучшаго дня....

Словно мнѣ вѣсти грозятъ роковыя,
Словно я чую бѣду...
Милая, какъ же нашъ праздникъ впервые
Я безъ тебя проведу?

Въ день незабвенный союза съ тобою —
Счастья погибшаго день —
Буду вотще моей скорбной мольбою
Звать твою грустную тѣнь.

Пусто мнѣ будетъ. Въ безмолвьи глубокомъ
Глухо замретъ мой призывъ...
Ты не потужишь о мнѣ одинокомъ,
Нашу любовь позабывъ.

Я же, томимъ безутѣшной кручиной,
Помню, чѣмъ праздникъ нашъ былъ...
Жизни съ тобой я черты ни единой,
Другъ мой, еще не забылъ.

1876 г.

* * *

За днями ненастными съ темными тучами
Земля дождалась красныхъ дней;
И знойное солнце лучами могучими
Любовно сверкаетъ на ней.

Вблизи ли, вдали ли, мнѣ видится, слышится,
Что міръ, наслаждаясь, живетъ...
Такъ радостно въ полѣ былинка колышится,
Такъ весело птичка поетъ!

И въ запахахъ, въ блескѣ, въ журчаніи, въ шелестѣ,
Такъ явственъ восторгъ бытія,
Что, сердцемъ подвластенъ всей жизненной прелести,
Съ природою ожилъ и я...

О, сердце безумное, сердце живучее,
Открытое благамъ земли —
Ужель одиночества слезы горючія
Насквозь твоихъ ранъ не прожгли?

Чего тебѣ ждать, когда нѣтъ уже болѣе
Любовнаго сердца съ тобой?..
Плачь, плачь надъ былою, счастливою долею
И вѣчную память ей пой!..

1876 г.

* * *

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуютъ за мной
По пути моихъ страданій...
Надо высказать мнѣ ихъ;
Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ,
Сердце, въ память дней былыхъ,
Проситъ пѣсенъ.

Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
Мнѣ свѣтя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное свѣтило;
Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
Меркло, грустно потухая,
И ужъ нѣтъ его... Пришла
Ночь глухая.

Душу вылилъ бы я всю;
Воплотилъ бы сердце въ звуки!
Пѣсни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,

Про глубокую тоску —
Ихъ святыни не нарушатъ...
Спѣлъ бы я, да не могу —
Слезы душатъ...

1876 г.

СОВѢТЪ САМОМУ СЕБѢ.

Тебѣ, знать, не въ терпёжъ,
Когда, въ минорномъ тонѣ
Заладивши, поешь
О собственной персонѣ.
Ужъ будетъ о себѣ
Да о своемъ несчастьѣ!
Въ общественной судьбѣ
Пора принять участье.
Взгляни — со всѣхъ сторонъ
Какъ тучи понависли!
Достаточный резонъ —
Пропѣть бы въ этомъ смыслѣ.
Отчизны добрый сынъ
Не станетъ спать подъ тучей;
Совѣтъ — и не одинъ —
Онъ дастъ на этотъ случай;
Ужъ каждый далъ изъ насъ;
И ты предсталъ бы съ мнѣньемъ,
Добромъ руководясь
И крайнимъ разумѣньемъ.
Сказалъ бы:

«Господа!
«Проснулись? съ добрымъ утромъ!..
«Стряслась на насъ бѣда
«Въ покоѣ нашемъ мудромъ.
«Славяне стягъ войны
«Подняли за свободу...
«Вѣдь мы помочь должны
«Родному намъ народу!..
«Исторія насъ ждетъ,
«Развязки часъ назнача...
«Съ славянъ снять рабства гнетъ
«Не наша ли задача?..
«Такъ!.. Но спросить дозволь,
«О, гражданинъ Россіи,
«Тебѣ къ лицу ли роль
«Славянскаго Мессіи, —
«Теперь, каковъ ты есть,
«Еще, вдобавокъ, зная,
«За что, питая месть,
«Враждуетъ смѣлый «райя»?
«И голоденъ, и нагъ, —
«Поклялся взять онъ съ боя
«Своихъ духовныхъ благъ
«Имущество святое...
«А ты?.. хотя изъ устъ
«И льются рѣчи плавно, —
«Вѣдь такъ душою пустъ
«Ты былъ еще недавно!
«Увы! страдальцевъ братъ,
«Ты братьямъ чѣмъ поможешь?
«Какимъ добромъ богатъ?
«Что̀ обѣщать имъ можешь?
«И гдѣ твои права?
«Что русскій, молъ, ты истый?

«А на̀ руки сперва
«Взгляни-ка! Развѣ — чисты?
«Что́ если братчикъ твой
«Тебѣ самъ скажетъ: «Друже!
««Коль примется родной
««Насъ пачкать — будетъ хуже!»
«Охъ, засоренъ твой путь!
«И къ нравственнымъ побѣдамъ
«Тебѣ едва-ль шагнуть
«Отъ спячки съ пошлымъ бредомъ.
«Пришлось намъ низко пасть!
«И пали-то съ тѣхъ поръ мы,
«Какъ подняла насъ власть.
«Не вывезли реформы!
«Не вышло ничего.
«Все, не дозрѣвъ, пропало.
«Кругомъ — темно, мертво;
«Нѣтъ силъ, нѣтъ идеала;
«И интересъ одинъ:
«Кармана да желудка.
«О, русскій гражданинъ!
«Ужель тебѣ не жутко?..»

На лирѣ ты своей
Вотъ такъ-то пѣть попробуй,
Да громче; не робѣй!
Ты съ сердцемъ, а не съ злобой. .
Вѣдь, правду коль сказать,
Въ одномъ лишь мы и ловки —
Другъ дружку лобызать
Да гладить по головкѣ.
Прибавь, что трудно лжи
Стоять за правду въ мірѣ;
Да кстати ужъ скажи,

Что дважды два — четыре.
Но этимъ не кончай;
Ты вотъ чѣмъ пѣснь окончи:

«Бываетъ, невзначай,
«Что тотъ, кто низокъ нонче,
«На завтра сталъ великъ.
«То духъ любви, повѣявъ,
«Избранника воздвигъ
«Гигантомъ изъ пигмеевъ...
«Что̀ если въ этотъ часъ
«Кроваваго событья,
«Ужъ осѣняетъ насъ
«Святой любви наитье?
«О, пусть же, нашу дрянь
«Съ насъ сбросивъ, эта сила
«Россіи скажетъ: «Встань!
«Тебя я воскресила!»
«И, съ края въ край полна
«Любви животворящей,
«Могла бы встать она,
«Какъ Лазарь всталъ смердящій!»

Тутъ кончи. Хоть успѣхъ,
Конечно, подъ сомнѣньемъ,
За то и вся, и всѣхъ
Задѣнешь пѣснопѣньемъ;
А то вѣдь это что-жъ!
О собственной персонѣ
Заладивши, поешь —
И все въ минорномъ тонѣ.

1876 г.

ПРИВѢТЪ ВЕСНЫ.

Взгляни: зима ужъ миновала;
На землю я сошла опять...
Съ волненьемъ радостнымъ, бывало,
Ты выходилъ меня встрѣчать.

Взгляни, какъ праздничныя дани
Землѣ я снова приношу;
Какъ по воздушной, зыбкой ткани
Живыми красками пишу.

Ты грозовыя видѣлъ тучи?
Вчера ты слышалъ первый громъ?
Взгляни теперь, какъ садъ пахучій
Блеститъ, обрызганный дождемъ.

Среди воскреснувшей природы
Ты слышишь: свѣту и теплу
Мои пернатые рапсоды
Поютъ восторженно хвалу?

Самъ восторгаясь этимъ пѣньемъ
Въ лучахъ ликующаго дня,

Бывало съ радостнымъ волненьемъ
Ты выходилъ встрѣчать меня...

Но нѣтъ теперь въ тебѣ отзыва;
Твоя душа уже не та...
Ты нѣмъ, какъ подъ шумящей ивой
Нѣма могильная плита.

Прилившей жизнью не взволнованъ,
Упорно ты глядишь назадъ
И, сердцемъ къ прошлому прикованъ,
Свой сторожишь зарытый кладъ...

1877 г.

—•—•—

ЗНАКОМАЯ КАРТИНА.

—•—

Все нашелъ какъ прежде;
Я ужъ зналъ заранѣ:
Мѣсяцъ въ свѣтлыхъ тучкахъ.
Озеро въ туманѣ;

Дальнихъ горъ узоры,
Садикъ передъ домомъ —
Все какъ было прежде;
Прибылъ я къ знакомымъ.

Не хвалися, мѣсяцъ, —
Садикъ, не хвалися, —
Что безъ бѣдъ надъ вами
Годы пронеслися!

Озеро и горы,
Не глумитесь тоже
Надъ судьбой моею,
Съ вашею несхожей!

Какъ припомню, вижу:
Эта злая сила,

Что̀ меня ломала,
Васъ не пощадила.

Тѣ-жъ, пожалуй, краски,
Тѣ же очертанья, —
Но куда дѣвалась
Власть очарованья?

Помню, какъ въ безмолвьи
Теплой, лѣтней ночи,
Вы манили душу,
Вы плѣняли очи...

А теперь не то вы;
Что̀ во время о̀но,
Хоть на васъ усердно
Я гляжу съ балкона.

Всю картину вижу,
Стоя передъ садомъ...
Но безъ сожалѣнья
Повернусь я задомъ.

1877 г.
Лозанна.

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ.

Полевые цвѣты на зеленомъ лугу...
Безучастно на нихъ я глядѣть не могу.
Умилителенъ видъ этой нѣжной красы
Въ блескѣ знойнаго дня иль сквозь слезы росы;
Безъ причудъ, безъ нужды, чтобъ чья-либо рука
Охраняла ее, какъ красу цвѣтника;
Этой щедрой красы, что̀, не зная оградъ,
Всѣхъ привѣтомъ даритъ, всѣмъ струитъ ароматъ:
Этой скромной красы, безъ ревнивыхъ заботъ:
Полюбуется-ль кто, или мимо пройдетъ?..
Ей любуюся я и, мой другъ, узнаю
Душу щедрую въ ней и простую твою.
Видѣть я не могу полевые цвѣты;
Чтобъ не вспомнить тебя, не сказать: это ты!
Тебя нѣтъ на землѣ; миновали тѣ дни,
Когда, жизни полна, ты цвѣла какъ они...
Я увижу опять съ ними сходство твое,
Когда срѣжетъ въ лугу ихъ косы лезвее...

1877 г.

* * *

Что за прелесть сегодня погода!
Этотъ снѣгъ на вершинахъ вдали,
Эта ясность лазурнаго свода,
Эта зелень цвѣтущей земли...

Все покрыто торжественнымъ блескомъ;
Словно все упрекаетъ меня,
Что въ такомъ разногласіи рѣзкомъ
Мое сердце съ веселіемъ дня.

О, желалъ бы я самъ, чтобъ хоть нынѣ
На душѣ моей стало свѣтло,
Какъ на той вѣчно свѣжной вершинѣ,
Гдѣ сіяніе солнце зажгло;

Чтобъ чредой понеслись къ моимъ думамъ
Годы счастья былые мои,
Какъ рѣки этой съ ласковымъ шумомъ
Голубыя несутся струи...

Пусть затмитъ мнѣ минувшее время
Эту жизнь и что̀ ждетъ впереди...

Упади же съ души моей, бремя,
Хоть на этотъ лишь день упади!

Не боли хоть теперь, моя рана!
Дай пожить мнѣ блаженствомъ былымъ...
Много лѣтъ, горячо, безъ обмана
И любилъ я, и былъ я любимъ.

1877 г.
Тунъ. въ Швейцаріи.

Л. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

Ты правъ. Я вижу самъ: нѣтъ силы произвола
Въ моей душѣ, какъ въ оны дни;
Но не кори ее; ты съ арфою Эола
Ее, безвинную, сравни!

Какъ жертва непогодъ, лишь струны вѣтеръ тронетъ,
Не можетъ не звучать она,—
Такъ чуткая душа подъ бурей жизни стонетъ
И плачъ окончить не вольна.

Съ тѣхъ поръ, какъ друга нѣтъ, душа напрасно проситъ
Отрадъ, надеждъ и свѣтлыхъ грёзъ,—
Далеко отъ меня ихъ тотъ же вихрь уноситъ,
Который жизнь ея унесъ.

Такъ пусть душа звучитъ; пусть пѣсня скорби льется
И поминается мой другъ,
Пока послѣдняя струна не оборвется,
Издавъ тоски послѣднiй звукъ!

1877 г.

НА ГОРѢ.

Небо виситъ надо мною, прозрачно и сине;
    Ходятъ внизу облака...
Слава осеннему утру на горной вершинѣ!
    Съ сердца спадаетъ тоска.

Вижу далекія горы, долины, озёра,
    Птицъ подо мною полетъ;
Чую, что вслѣдъ за растущею силою взора
    Сила и духа растетъ.

Крѣпнетъ рѣшимость—разстаться съ привычкою горя,
    Волю воздвигнуть мою;
Мыслью спокойной я жизнь, не ропща и не споря,
    Какъ она есть признаю.

Холодно, мрачно, пустынно безъ милаго друга;
    Нѣтъ ея нѣжной любви...
Что же! Быть съ ласковой жизнью въ ладу—не заслуга.
    Жизнью скорбящихъ живи!

Горныя выси внезапную бодрость мнѣ дали...
    Другъ мой, любившій меня,

Ты, чья душа мнѣ свѣтила въ дни бѣдъ и печали
Пыломъ святого огня,—

Благословеньемъ своимъ и теперь помоги же
Другу въ духовной борьбѣ!
Кажется мнѣ, въ это утро, что къ небу я ближе,
Ближе я также къ тебѣ.

1877 г.
Риги Кульмъ.

ОСЕНЬЮ ВЪ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

Въ часъ позднихъ сумерекъ я вышелъ на дорогу;
Нѣтъ встрѣчныхъ; кончился обрядъ житейскій дня!
И тихій вечеръ снялъ съ души моей тревогу;
Спокойствіе—во мнѣ и около меня.

Вотъ облака ползутъ, своимъ покровомъ мутнымъ
Скрывая очерки знакомыхъ мнѣ вершинъ;
Вотъ парусъ, вѣтеркомъ изогнутый попутнымъ,
Въ пустынѣ озера виднѣется одинъ.

Вотъ къ берегу струи бѣгутъ неторопливо;
Чуть слышенъ плескъ воды и шорохъ тростника;
И прерываетъ строй природы молчаливой
Лишь мимолетное гудѣніе жука.

Нѣтъ; звукъ еще одинъ я слышу; онъ заранѣ
Про смерть мнѣ говоритъ, пока еще живу:
То съ яблонь или съ грушъ, стоящихъ на полянѣ,
Отжившаго плода паденіе въ траву.

Сурово для ума звучатъ напоминанья:
А сердце такъ, межъ тѣмъ, настроено мое,

Что я, внимая имъ, не чувствую желанья
Теперь ни продолжать, ни кончить бытіе.

Извѣдалъ радости я лучшія на свѣтѣ;
Пришелъ конецъ и имъ, какъ эта ночь пришла...
О, будьте счастливы, возлюбленныя дѣти!
Желанье пылкое вамъ шлю въ моемъ привѣтѣ,
Чтобъ длилась ваша жизнь отрадна и свѣтла!..

1878 г.
На берегу Люцернскаго озера.

ЗЕМЛЯ.

Волнуемъ воздухомъ, какъ легкая завѣса,
Съ вершинъ альпійскихъ горъ спускается туманъ.
Ужъ высятся надъ нимъ кой-гдѣ макушки лѣса...
И вотъ — весь выступилъ онъ, красками убранъ,
Въ которыя рядить деревья любитъ осень,
Не трогая межъ нихъ зеленыхъ вѣчно сосенъ.

Какъ много радости и свѣта въ міръ принесъ,
Побѣду одержавъ надъ мглою, день прозрачный!
Не сумраченъ обрывъ, повеселѣлъ утесъ,
И празднично-свѣтло по всей долинѣ злачной;
Лишь около деревъ развѣсистыхъ на ней
Узоры темные колеблются тѣней.

Казалось, что теперь небесное свѣтило,
Вступивъ на зимній путь, прощальный свѣтъ лило;
И, на него глядя, земля благодарила
За яркіе лучи, за влажное тепло,
Что разносилъ, струясь надъ нею, воздухъ зыбкой,
И озарялась вся привѣтливой улыбкой.

Красавица-земля! Не въ этой лишь странѣ,
Въ виду гигантовъ-горъ склонюсь я предъ тобою;
Сегодня ты была-бъ вездѣ прелестна мнѣ, —
Лишь бы съ деревьями, съ кустами и съ травою,
Гдѣ красокъ осени игралъ бы переливъ,
Или хоть съ блѣдною соломой сжатыхъ нивъ.

Чѣмъ дольше я смотрю, тѣмъ шире и сильнѣе
Все разростается къ тебѣ моя любовь.
О, запахъ милый мнѣ!.. То, сладостно пьянѣя,
Какъ бы туманюсь имъ, то возбуждаюсь вновь...
Землею пахнетъ!.. Я—твое, земля, созданье,—
И нѣтъ иного мнѣ милѣй благоуханья.

Земля-кормилица! Работница-земля!
Твой вѣченъ трудъ; твои неистощимы нѣдра...
Межъ тѣмъ какъ чадъ своихъ ты, нуждамъ ихъ внемля,
Плодами и зерномъ ужъ одарила щедро,—
Я вижу — требуя еще твоихъ услугъ,
Тебя тамъ на холмѣ опять взрываетъ плугъ.

Я жизни путь прошелъ, топча тебя небрежно,
Какъ будто я не сынъ тебѣ, родимый прахъ.
Найти я внѣ тебя рвался душой мятежной
Причину тайную житейскихъ золъ и благъ;
И мысль. страшась конца, не вѣдая начала,
Во тьмѣ и пустотѣ, тоскливая, блуждала.

Земля! Что-жъ такъ влекутъ меня стремленья думъ
И сердца пылъ къ тебѣ? Не знаю... Оттого ли,
Что отъ меня далекъ тревожный жизни шумъ?
Иль правды я ищу? Иль я усталъ отъ боли
Разрушенныхъ надеждъ, оплаканныхъ потерь?
Иль твой къ покою зовъ мнѣ слышится теперь?

О, мать-земля! Я здѣсь одинъ; людей не видно!..
Хотѣлъ бы пасть я ницъ и лобызать тебя!..
Увы! я не могу и не людей мнѣ стыдно...
Восторгомъ былъ я полнъ, красу твою любя;
Но лишь тебя призналъ я матерью моею,—
Печаленъ и смущенъ, ласкать тебя не смѣю.

Ты мнѣ чужда еще, но я отнынѣ твой.
Дай силы мнѣ своей на бодрый подвигъ жизни,
Чтобъ я, на склонѣ лѣтъ, одинъ съ самимъ собой,
Отрады не искалъ въ тоскѣ и въ укоризнѣ;
И чтобъ меня, когда наступитъ смерти мгла,
Ты, примиреннаго съ тобою, приняла!

Поднялся вѣтерокъ, свѣжѣя понемногу;
Я вижу на горахъ вечернюю зарю,
И тѣни длинныя ложатся на дорогу...
Пора домой идти. Земля, благодарю!
Обязанъ я тебѣ, твоимъ осеннимъ чарамъ,
Что уходящій день прожитъ былъ мной не даромъ.

1878 г.
Тамъ же

СНѢГЪ.

Ужъ видимо ко сну природу клонитъ
У осени кончается пора.
Глядя во окно, какъ вѣтеръ тучи гонитъ,
Я нынче ждалъ зимы еще съ утра.

Неслись онѣ какъ сумрачныя мысли;
Потомъ, сгустясь, замедлили свой бѣгъ;
А къ вечеру, тяжелыя, нависли
И начали обильно сыпать снѣгъ.

И сумерки спуститься не успѣли,
Какъ все—въ снѣгу, куда ни поглядишь;
Покрылъ онъ садъ, повисъ на вѣтвяхъ ели,
Занесъ крыльцо и легъ по склонамъ крышъ.

Я снѣгу радъ, зимой здѣсь гость онъ рѣдкій;
Окрестность мнѣ не видится вдали,
За бѣлою, колеблющейся сѣткой,
Простертою отъ неба до земли.

Я на нее смотрѣлъ, пока стемнѣло;
И грезилось мнѣ живо, что за ней,
На мѣсто горъ,—подъ пеленою бѣлой
Родная гладь зимующихъ полей.

1878 г.
Тамъ же.

ЗИМНЕЕ ЧУВСТВО.

Хоть въ зимній часъ приходятъ дни съ востока;
А все еще природа хороша;
Она не спитъ безмолвно и глубоко,
Морозомъ въ ней не скована душа.

И листья лѣсъ не всѣ еще утратилъ,
И жизни шумъ не прекратился въ немъ;
По дереву стучитъ красивый дятелъ,
Въ кустахъ скворецъ шуршитъ сухимъ листомъ.

Но пусть зима приходитъ! Мнѣ пріятно,
Когда, летя, мнѣ снѣгъ туманитъ взоръ.
Люблю въ лугахъ бѣлѣющія пятна
И серебро залитыхъ солнцемъ горъ.

Пускай земли подъ снѣгомъ жизнь застынетъ,—
Мнѣ эта смерть природы не страшна;
Я знаю—срокъ оцѣпенѣнья минетъ,
И снова жизнь вдохнетъ въ нее весна.

Дожить бы мнѣ до праздника немного!
Тогда весны увижу красоту,
И бѣлизну долинъ увижу снова—
Но ужъ не снѣгъ, а яблони въ цвѣту.

1878 г.
Тамъ же.

* * *

О, жизнь! я вновь ее люблю,
И ею вновь любимъ взаимно...
Природы другъ, я въ ней ловлю
Всѣ звуки жизненнаго гимна;

Я исцѣленъ отъ слѣпоты,
Красу весны я вижу снова
И подмѣчаю всѣ черты
Ея стремленія живого.

На нивѣ колосъ ужъ высокъ,
Уже густа трава въ полянѣ;
Уже пчела и мотылекъ
Съ цвѣтовъ сбираютъ много дани;

Ужъ тѣнь даетъ зеленый лѣсъ
И, полонъ тайны, шепчетъ что-то;
Ужъ полдень пламенный съ небесъ
Все кроетъ знойной позолотой;

Съ душистой яблони уже
Долъ убѣленъ слетѣвшимъ цвѣтомъ...

Весна стоитъ на рубежѣ,
Гдѣ ждетъ ее сліянье съ лѣтомъ.

Бродить я вышелъ вдоль полей,
Весь впечатлѣньямъ преданъ внѣшнимъ;
Заботы всѣ души моей—
О настоящемъ и о здѣшнемъ.

Заботъ я этихъ не гоню,
Иныхъ пока не призываю,—
Весь преданъ солнечному дню,
Весь преданъ радостному маю!

Кровь льется въ жилахъ горячо;
Есть чувство бодрости и мощи;
Кукушка много лѣтъ еще
Сулитъ любезно мнѣ изъ рощи;

Привѣтъ мнѣ добрый шлютъ поля,
Подобный дружбы поцѣлую,
И вѣтерокъ, со мной шаля,
Мнѣ треплетъ бороду сѣдую...

О, жизнь! я ею вновь любимъ,
И вновь люблю ее взаимно...
Стихомъ участвую моимъ
Я въ хорѣ жизненнаго гимна.

1879 г.
Близъ Фрейбурга, въ Швейцаріи.

* * *

Грустно смотрю я на жизнь, какъ въ окно на ненастную осень...
Словно холодный туманъ, всю природу сокрывшій отъ взора,
Нравственной мглы пелена облекаетъ весь міръ нашъ духовный.
Разума яркое солнце не можетъ лучомъ благотворнымъ
Эту мглу пронизать и достигнуть до нашей юдоли.
Помню: когда-то просторъ разстилался красиво предъ нами;
Помню: виднѣлися намъ насъ зовущіе въ даль горизонты...
Нынѣ-жъ: взгляну ли вокругъ—ничего ни откуда не видно,
Кромѣ безжизненной, сѣрой, отвсюду нахлынувшей мути.
Жизни явленья застыли. Недвижны крылатыя мысли.
Сердце любить опасается. Замерло вѣщее слово..
Страшно подумать, что жизнью зовется подобіе смерти!
Жутко, въ себя заглянувъ, сознать, что однѣ за другими
Всѣ отлетѣли, поблекнувъ, живыя когда-то надежды,
Словно въ ненастную осень послѣдніе съ дерева листья!..

1879 г.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ.

Изъ вольныхъ мысли сферъ къ намъ вѣтеръ потянулъ
Въ міръ душный чувствъ нѣмыхъ и думъ, объятыхъ тайной:
Въ честь слова на Руси, какъ колокола гулъ,
Пронесся къ торжеству призывъ необычайный.
И рады были мы увидѣть ликъ пѣвца,
Въ комъ духа русскаго живутъ краса и сила;
Великолѣпная фигура мертвеца
Насъ, жизнь влачащихъ, оживила.

Теперь узналъ я все, что̀ тамъ произошло.
Хоть не было меня на праздникѣ народномъ,
Но сердцемъ былъ я съ тѣмъ, кто честно и свѣтло,
Кто рѣчью смѣлою и разумомъ свободнымъ
Поэту памятникъ почтилъ въ стѣнахъ Москвы;
И пусть бы онъ въ толпѣ хвалы не вызвалъ шумной,
Лишь былъ привѣта бы достоинъ этой умной,
Къ нему склоненной головы.

Но конченъ праздникъ... Что-жъ! гость пушкинскаго пира
Въ грязь жизни нашей вновь ужель сойти готовъ?
Мнѣ дѣло не до нихъ, дѣтей суровыхъ міра,
Сказавшихъ напрямикъ, что имъ не до стиховъ,

Пока есть на землѣ бѣднякъ, просящій хлѣба,
Такъ пахарь-труженикъ, желающій дождя,
Не станетъ пѣть, въ пыли за плугомъ вслѣдъ идя,
Красу безоблачнаго неба.

Я спрашиваю васъ, цѣнители искусствъ:
Откройтесь же и вы, какъ тѣ, безъ отговорокъ.
Вотъ ты хоть, напримѣръ, отборныхъ полный чувствъ,
Въ комъ тонкій вкусъ развитъ, кому такъ Пушкинъ дорогъ;
Ты, въ комъ рождаютъ пылъ возвышенной мечты
Стихи и музыка, статуя и картина,—
Но до сѣдыхъ волосъ лишь въ чести гражданина
Не усмотрѣвшій красоты.

Или вотъ ты еще... Но васъ теперь такъ много,
Насъ поучающихъ прекрасному писакъ!
Вы совѣсть, родину, науку, власть и Бога
Кладете подъ перо и пишете вы такъ,
Какъ удержалъ бы стыдъ писать порою прошлой...
Но нашъ читатель добръ; онъ ужъ давно привыкъ,
Чтобы языкъ родной, чтобъ Пушкина языкъ
Звучалъ такъ подло и такъ пошло.

Вы всѣ, въ комъ такъ любовь къ отечеству сильна,
Любовь, которая все лучшее вь немъ губитъ,—
И хочется сказать, что въ наши времена
Тотъ—честный человѣкъ, кто родину не любитъ.
И ты особенно, кѣмъ дышетъ клевета,
И чья такая-жъ роль въ событьяхъ свѣтлыхъ міра,
Какъ рядомъ съ дѣйствіемъ высокимъ у Шекспира
Роль злая мрачнаго шута...

О, дакажите же, разсѣявъ всѣ сомнѣнья,
Что славный тризны день въ васъ вызвалъ честь и стыдъ!

И смолкнутъ голоса укора и презрѣнья,
И будетъ старый грѣхъ отпущенъ и забытъ...
Но если низкая еще васъ гложетъ злоба,
И мигъ раскаянья исчезнулъ безъ слѣда,—
Пусть васъ народная преслѣдуетъ вражда,
Вражда безъ устали до гроба!

1880 г.
Близъ Фрейбурга, въ Швейцаріи.

ВЪ ТЕАТРѢ.

О, добрый Моцартъ!.. Фигаро,
Сусанна, пажъ, графъ Альмавива...
Какъ это мило и старо̀!
Какъ старину я вспомнилъ живо!

Теперь меня плѣняютъ вновь.
Какъ въ пору чувствъ и мыслей юныхъ,
Въ напѣвахъ нѣжная любовь
И музыкальный юморъ въ струнахъ.

Все тотъ же я почти совсѣмъ;
И живъ покуда, слава Богу...
А вѣдь другіе, между тѣмъ,
Все исчезали понемногу.

Всѣ тѣ, кого злой рокъ унесъ,
Передо мной какъ бы воскресли;
И вотъ—о смерти привелось
Мнѣ думать въ театральномъ креслѣ.

129

Опять поютъ любви мольбу,
Опять звучитъ въ оркестрѣ шутка...
Но отъ молчанія въ гробу
Мнѣ стало холодно и жутко.

1882 г.
Франкфуртъ-н.-М.

* * *

Весны развертывались силы,—
Вдругъ выпалъ снѣгъ... О, падай, падай!
Твой видъ холодный и унылый
Мнѣ вѣетъ странною отрадой.

Ты можешь время отодвинуть
Тепла, цвѣтовъ, поющей птички...
Еще не хочется покинуть
Зимы мнѣ милыя привычки.

Пусть дольше жизнью той же самой
Я поживу еще, какъ нынѣ,
Глядя въ окно съ двойною рамой
И на огонь въ моемъ каминѣ.

Прелестна жизнь весной и лѣтомъ...
Но сердце полно сожалѣній,
Что будетъ мнѣ на свѣтѣ этомъ
Еще одной зимою менѣй...

1883 г.

ЗАМѢТКИ.

—•—

1.

Для человѣка—вотъ условія:
Чтобы душой онъ не былъ старъ;
Чтобы не съ рыбьей былъ онъ кровью;
Чтобъ иль враждою, иль любовью
Его палилъ сердечный жаръ;
Чтобъ полнымъ обладалъ онъ правомъ
Сказать, въ сознаньи величавомъ
Своихъ достоинствъ: «homo sum!
Людскія страсти, скорби, нужды,
Во мнѣ воспитывая умъ,
И сердцу пылкому не чужды!»

2.

Я безкорыстнаго лица
Прошу у жизни современной.
Гдѣ-жъ ты, о, дѣятель почтенный,
Безъ грубой примѣси дѣльца?

3.

Воля.

О, наши прежнія затѣи!!
О, волей грезившіе дни!..
Хоть были и тогда лакеи,—
Но подъ шитьемъ своей ливреи
По ней вздыхали и они!..

4.

Изъ современныхъ типовъ.

Все въ немъ двусмысленно, невѣрно, непонятно.
Съ плодомъ сомнительнымъ сравненъ онъ можетъ быть:
Посмотришь, повертишь, рѣшишься раскусить,
И думаешь: а ну, какъ выплюну обратно?

5.

Послѣ чтенія газетъ.

Надъ міромъ туча все виситъ...
Чѣмъ это кончится—Богъ знаетъ!
И разразиться не грозитъ,
И разойтись не обѣщаетъ.

6.

Въ насмѣшку и въ позоръ моей родной земли,
Такъ нѣкогда сказалъ нашъ врагъ иноплеменный:
«Лишь внѣшность русскаго немножко поскобли:
Подъ ней—татаринъ непремѣнно».

Теперь проявимся мы въ образѣ иномъ.
Такъ отатаритъ насъ «народниковъ» дружина,
Что сколько не скреби татарина потомъ, —
Не доскребешь до славянина.

7.

ФИЛОСОФІЯ ЧЕРВЯКА.

Впередъ я двигаюсь безъ фальши;
Ползну, отмѣряю, и — дальше.
Живу смиренно здѣсь внизу;
Но все куда-нибудь ползу,
И доползти всегда въ надеждѣ, —
Коль не раздавленъ буду прежде.

8.

Идетъ трагедія. Набрали безъ разбора
Актеровъ съ улицы. Своихъ ролей никто
Впередъ не вытвердилъ. Всѣ смотрятъ на суфлера.
Суфлеръ или молчитъ, иль говоритъ не то.
По сценѣ мечется толпа въ переполохѣ.
То невпопадъ кричитъ, то шепчетъ лицедѣй...
Довольно!.. Оттого душѣ не веселѣй,
Что драму мрачную играютъ скоморохи.

1883 г.

* * *

Мгновенія мимо,
Какъ вихри, летятъ въ пустоту;
И старость, по жизни тоскою томима,
Считаетъ ихъ жадно, цѣпляясь за нихъ налету.

1883 г.

*
* *

Ранней осени подарокъ —
Голубой, прозрачный день...
Полдень блещущій не жарокъ;
Не нужна густая тѣнь.

Близъ пути, подъ дикой грушей,
На травѣ скамья стоитъ;
«Сядь сюда! Смотри да слушай!»
Мнѣ какъ будто говоритъ.

Сѣлъ. Смотрю кругомъ и внемлю.
Долго, кажется, сижу...
То на небо, то на землю
Съ благодарностью гляжу.

Нѣтъ болтливаго народу...
Тишина... Лишь мошекъ рой
Все про ясную погоду
Распѣваетъ надо мной...

1883 г.
Близъ Цюриха.

* * *

Лишь вступитъ жизнь въ такую пору,
Когда конецъ все ближе къ ней, —
Былое умственному взору,
Представши, видится яснѣй.

И какъ страстей шумѣла буря,
И какъ боролась съ правдой ложь, —
Сѣдую голову понуря,
Припомнишь все—и все поймешь.

На прожитое взглянешь прямо,
То съ краской счастья, то стыда;
И предъ тобой, какъ панорама,
Проходятъ дальніе года...

Такъ поздней осенью, порою,
Когда летитъ увядшій листъ,
И, разрѣженъ отъ мглы и зною,
Спокойный воздухъ свѣжъ и чистъ,

Въ часы, когда ужъ солнце низко, —
На озаренной имъ землѣ
Даль подступаетъ къ намъ такъ близко,
Такъ ясно все, что̀ было въ мглѣ.

1883 г.
Тамъ же.

ДѢТИ УѢХАЛИ.

И нѣтъ ихъ здѣсь; и небо сѣро;
И вѣетъ грустью тишина;
И въ силу жизни гаснетъ вѣра,
Которой грудь была полна;

И, подъ напоромъ страховъ мнимыхъ,
Я плакать, кажется, готовъ,
Не видя личиковъ любимыхъ,
Родныхъ не слыша голосовъ.

1883 г.
Тамъ же.

*
* *

Süsses Leben! schöne, freundliche
Gewohnheit des Daseyns.

Гете («*Эгмонтъ*»).

О томъ, какъ насъ судьба влечетъ къ бѣдѣ и къ худу,
Я въ одиночествѣ, случается, забуду.
Тогда, возрадуясь, поетъ во мнѣ душа:
«А міръ-то Божій милъ! А жизнь вѣдь хороша!»
Сегодня выдалась подобная минута.
Сижу, смотрю въ окно и радуюсь чему-то.
Чему же?.. Такъ отъ глазъ въ туманѣ скрылась даль,
Что различить ее нельзя, какъ ихъ ни пяль.
Вблизи же вижу я, что вѣтреною шуткой
Совсѣмъ измучила погода флюгеръ чуткой:
Дастъ изрѣдка ему спокойно постоять,
И тотчасъ примется вертѣть его опять.
Деревья мечутся, и листья, ниспадая,
Летаютъ по вѣтру, какъ желтыхъ птичекъ стая;
И, словно изъ большихъ висящихъ съ неба ситъ,
На землю мокрую дождь мелкій мороситъ.
Исчислилъ, кажется, я все, что́ видно взору,
А слышу: звукъ шаговъ порой по коридору;
За садомъ пастуха гортанный къ стаду зовъ;

Да колокольчики пасущихся коровъ;
Да въ стекла, безъ того ужъ влажныя отъ стужи,
Вдругъ броситъ брызгами, какъ бисеромъ, снаружи;
И можно заключить, по шалости дождя,
Какъ вѣтеръ повернулъ, на флюгеръ не глядя...
Вотъ — все. Нѣтъ, позабылъ еще условій пару:
Пью кофе и курю изъ Гамбурга сигару.
И больше данныхъ нѣтъ для счастья моего.
А все же радостно на сердцѣ!.. Отчего?
Недугъ тѣлесный мой, какъ врагъ уставшій, дремлетъ;
А бодрый разумъ бдитъ, а сердце чутко внемлетъ, —
Такъ не поэтому-ль со страстью преданъ я,
Какъ Эгмонтъ, сладостной привычкѣ бытія?

1883 г.
Тамъ же.

ОТГОЛОСОКЪ

ПЯТНАДЦАТОЙ ПРЕЛЮДІИ ШОПЕНА.

(Посвящается Ольгѣ Алексѣевнѣ Жемчужниковой).

Мнѣ больно!.. Рвется стонъ изъ груди;
Ручьями слезы льютъ невольно!
И хочется, чтобъ знали люди,
Какъ на душѣ мнѣ больно, больно.

Мнѣ больно!.. Боль невыносима...
Кто-жъ скажетъ ей: не мучь, довольно!?
Никто!.. Толпа проходитъ мимо,
Не слыша криковъ, какъ мнѣ больно.

Мнѣ больно!.. Вопль не достигаетъ
И до небесъ о скорби дольной...
И, оборвавшись, замираетъ,
Никѣмъ не понятъ, какъ мнѣ больно.

1883 г.

В. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

О, другъ ты мой, — какъ сердца струны
Всѣ задрожали, всѣ звучатъ!..
И лѣтъ минувшихъ призракъ юный
Манящій издали назадъ;
И призракъ старости жестокой,
Впередъ торопящій меня,
Туда, къ той грани недалекой,
Гдѣ нѣтъ ужъ завтрашняго дня;
И тѣхъ судьба, кто сердцу милы,
Кому чередъ пожить теперь;
И молчаливыя могилы —
Моихъ владѣтели потерь...
Какъ бы смычкомъ, порой такъ больно,
Вся жизнь по сердцу поведетъ, —
И сердце бѣдное невольно
Подъ нимъ и плачетъ, и поетъ.

1883 г.

НОЧЬЮ.

Тамъ, гдѣ городъ, вдали засвѣтились огни,
Словно зорко глядящія очи;
Но окрестность темна, и лишь явнѣй они
Говорятъ о присутствіи ночи...

Такъ со мракомъ въ борьбѣ, о, благіе умы.
Вѣчно бдите вы, ярко сверкая;
И виднѣй вы во тьмѣ, — но изъ умственной тьмы
Не выходитъ громада людская.

1884 г.
Schloss Himmel, близъ Вѣны.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Ѣду, все ѣду... Меня укачало...
Видовъ обрывки съ обѣихъ сторонъ;
Мыслей толпа безъ конца и начала;
Странныя грёзы — ни бдѣнье, ни сонъ...

Трудно мнѣ вымолвить слово сосѣду;
Лѣнь и томленье дорожной тоски...
Сутки другія все ѣду, все ѣду...
Грохотъ вагона, звонки да свистки...

Мыслей ужъ нѣтъ. Одуренный движеньемъ,
Только смотрю да дивлюсь, какъ летятъ
Съ каждаго мѣста и съ каждымъ мгновеньемъ
Время — впередъ, а пространство — назадъ.

1884 г.

НА РОДИНѢ.

Опять пустынно и убого;
Опять родимыя мѣста...
Большая пыльная дорога
И полосатая верста!

И нивы вплоть до небосклона,
Вокругъ селеній, гдѣ живетъ
Все такъ же, какъ во время оно,
Подъ страхомъ голода народъ;

И всѣ поющіе на волѣ,
Жильцы лѣсовъ родной земли —
Кукушки, иволги; а въ полѣ —
Перепела, коростели;

И трели, что въ небесномъ сводѣ
На землю жаворонки льютъ...
Повсюду гимнъ звучитъ природѣ,
И лишь ночныхъ своихъ мелодій
Ей соловьи ужъ не поютъ.

Я опоздалъ къ порѣ весенней,
Къ мольбамъ любовнымъ соловья,
Когда онъ въ хорѣ пѣснопѣній,
Поетъ звучнѣй и вдохновеннѣй,
Чѣмъ вся пернатая семья...

О, этотъ видъ! О, эти звуки!
О, край родной, какъ ты мнѣ милъ!
Отъ долговременной разлуки,
Какія радости и муки,
Въ моей душѣ ты пробудилъ!..

Твоя природа такъ прелестна;
Она такъ скромно-хороша!
Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно,
Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
И въ узахъ мучится душа...

О, край ты мой! Что̀-жъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
Такъ дара жизни не клянетъ?

Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играють птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

Понятны мнѣ его недуги
И страсть—всѣ радости свои,
На утомительномъ досугѣ,
Искать въ бреду и въ забытьи.

Онъ дорожитъ своей находкой,
И лишь начнетъ сосать тоска—

Ужъ потянулась къ штофу съ водкой
Его дрожащая рука.

За преступленья и пороки
Его винить я не хочу.
Чуть освѣтитъ онъ мракъ глубокій,
Какъ буйнымъ вихремъ рокъ жестокій
Задуетъ разума свѣчу...

Но тѣ мнѣ, Русь, противны люди.
Тѣ изъ твоихъ отборныхъ чадъ,
Что̀, колотя въ пустыя груди,
Все о любви къ тебѣ кричатъ.

Противно въ нихъ соединенье
Гордыни съ низостью въ борьбѣ,
И къ русскимъ гражданамъ презрѣнье
Съ подобострастіемъ къ тебѣ.

Противны затхлость ихъ понятій,
Шумиха фразы налету,
И видъ ихъ пламенныхъ объятій,
Всегда простертыхъ въ пустоту.

И отвращенія, и злобы
Исполненъ къ нимъ я съ давнихъ лѣтъ.
Они — «пова̀пленные» гро̀бы...
Лишь настоящее прошло бы,
А тамъ — имъ будущаго нѣтъ...

1884 г.
Руптортъ (имѣніе моей сестры А. М. Арцимовичъ, въ Витебской губерніи)

•► ◄•

* * *

Когда вступаешь въ тѣ года,
Къ которымъ близокъ годъ послѣднiй,
И ужъ исчезли безъ слѣда
Всѣ пылкой молодости бредни;

И не даютъ уже отрадъ
Краснорѣчивые обманы, —
А между тѣмъ болятъ, болятъ
Въ еще живучемъ сердцѣ раны;

Когда погасли всѣ лучи
Надеждъ завѣтныхъ и, печаленъ,
Ты бродишь будто бы въ ночи
Межъ дорогихъ тебѣ развалинъ; —

Ó, какъ стихаетъ гнетъ тоски
Среди измѣнъ, среди крушенья,
При видѣ — showing козням вопреки —
Добру упорнаго служенья!

Двадцатилѣтнему труду
Развитья родины и знанья

Я въ сердцѣ горестномъ найду
Привѣтъ и свѣтлыя желанья.

Законность, правосудье, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несть.

1885 г.
Петербургъ.

СЕЛЬСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И КАРТИНКИ.

1.

Въ вагонѣ за Москвою.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Только-что простившись съ жизнью городскою,
Я одинъ остался, окруженъ тобою,
И ужъ грузъ душевный—страхи и тревоги —
Побросалъ за окна вдоль моей дороги.
Сумрачныя думы также по-неволѣ
То плутаютъ въ рощахъ, то гуляютъ въ полѣ;
А теперь умчались къ крайнимъ тѣмъ полянамъ.
Гдѣ садится солнце въ заревѣ румяномъ.

Милая природа! О, мой край родимый,
Точно сонмомъ тихихъ ангеловъ хранимый!
Прелестью безмолвной, жизнію безлюдной
Ты цѣлишь иль губишь? распознать мнѣ трудно.
Ласкою ли нѣжной прочь кручину гонишь?
Къ сонному-ль покою умъ и совѣсть клонишь?..

Грёзы роемъ легкимъ вьются надо мною,
Словно опьяненъ я брагою хмельною.
Вотъ и сумракъ сходитъ, въ воздухѣ прохлада...
Ни о чемъ не мыслю, ничего не надо.

1886 г.

2.

Ракиты на большой дорогѣ.

Нѣтъ; сердце, значитъ, не остыло,
Не загрубѣлъ съ лѣтами вкусъ!
На то, что́ прежде было мило,
Я и теперь не нагляжусь.
Меня плѣняетъ особливо
Своеобразный этотъ видъ
Дороги грустно молчаливой
Съ ея аллеями ракитъ.
Я ихъ разгадываю думу,
Когда подъ тѣнью ихъ иду;
И съ ними самъ, въ отвѣтъ ихъ шуму,
Бесѣды долгія веду.
Онѣ, вѣтвисты и могучи,
Про старину мнѣ говорятъ;
Про вихри, грозовыя тучи,
Снѣга, метель, морозъ трескучій
И дней счастливыхъ длинный рядъ.
Но вотъ сухія двѣ ракиты
Лежатъ въ изнеможеньи силъ...
Не бурей злой онѣ убиты, —
Злой человѣкъ ихъ погубилъ.
Онѣ сломились и вѣтвями,
Какъ будто крѣпкими руками,

Упавъ, о землю оперлись;
И, распростившись съ небесами,
Съ тѣхъ поръ печально смотрятъ внизъ.
Но смерть ракиты вѣковыя
Со свѣта выжить не могла:
Пошли побѣги молодые
Отъ расщепленнаго ствола.
О, какъ предъ смертію безсильной
Я за мои ракиты радъ!
И мнится мнѣ: глядя умильно,
И эти также говорятъ;
Мнѣ говорятъ, являя обѣ
Дупло прожженное внутри:
«Наперекоръ жестокой злобѣ,
Мы все живемъ еще, смотри!»
Бѣдняги! На меня похожи.
Имъ лучше медленно хирѣть,
Лишь только-бъ свѣтъ имъ видѣть Божій,
Лишь-бы попозже умереть.

1886 г.

3.

Прогулка по большой дорогѣ.

Иду давно—и предъ глазами
Дороги тотъ же все просторъ;
Все тотъ же, съ пестрыми цвѣтами,
Зеленый стелется коверъ.

Здѣсь рѣдко люди проѣзжаютъ;
Почти-что некому пройти;
И только бабочки летаютъ
Вдоль по широкому пути.

И тишина зато какая!
Какъ будто съ тѣмъ проложена
Была дорога, чтобъ нѣмая
Здѣсь воцарилась тишина.

Шумятъ лишь ласково деревья
Да мнѣ доноситъ вѣтерокъ
При стадѣ мальчика со жневья
Поющій пѣсню голосокъ.

Сравнить покой мнѣ этотъ нé съ чѣмъ,
Какъ съ тихой грёзой въ сладкомъ снѣ;
Лишь воронъ разъ ее при мнѣ
Нарушилъ карканьемъ зловѣщимъ.

1886 г.

4.

Отдыхъ при дорогѣ.

На муравѣ присѣвъ кудрявой,
Я въ одиночествѣ счастливъ;
И все любуюсь—то направо
Сребристой гладью сжатыхъ нивъ;

То милымъ зрѣлищемъ налѣво,
Какъ нѣжной зеленью взошли
Ростки озимаго посѣва
На черномъ бархатѣ земли.

Смотрю, какъ тучки въ небѣ таютъ;
Какъ тѣни ихъ, при блескѣ дня,

Окрестность дымкой застилаютъ—
И будто меркнутъ зеленя;

Иль какъ несутся тѣни эти
За горизонтъ поверхъ полей...
Чтò проще можетъ быть на свѣтѣ
И чтò же можетъ быть милѣй?..

1886 г.

5.

Бѣшеная собака.

Я лѣтомъ посѣтилъ не мало деревень,
Гдѣ слышать мнѣ пришлось, едва-ль не каждый день,
О грозномъ бѣдствіи въ быту крестьянъ убогомъ
Отъ бѣшеныхъ собакъ, бродящихъ по дорогамъ.
Такую видѣлъ я собаку самъ вблизи.
На встрѣчу мнѣ она, худая, вся въ грязи,
Шла, пробираяся по кочкамъ поля топкимъ,
Съ опущеннымъ хвостомъ, со взглядомъ злобно-робкимъ,
Слѣдящимъ, какъ шпіонъ разгаданный, за мной
И съ длинной до земли, тягучею слюной.
Я, въ сторону свернувъ, ей уступилъ дорогу
И съ нею безъ бѣды разстался, слава Богу.
Межъ тѣмъ она мой умъ—опасность чуть прошла—
На любопытное сближенье навела.
Не стану разбирать, счастливо ли и кстати-ль—
Мнѣ вспомнился одинъ нашъ публицистъ писатель.
А разъ онъ вспомнился, то ясно почему,—
Едва лишь только мысль представится уму
О псахъ, блюющихъ смерть изъ пастей ядовитыхъ,—
И рядъ статей его я вспомню знаменитыхъ.

1886 г.

6.

Темень.

Подъ безлуннымъ небомъ, тучами покрытымъ,
По межамъ заросшимъ, колеямъ изрытымъ,
Ѣду, но не вижу: полемъ иль оврагомъ,
Съ бубенцами тройкой въ тарантасѣ шагомъ.
Черная дорога; вороные кони;
Всѣ предметы черны; всѣ на черномъ фонѣ.
Только видны пятна—да и тѣхъ немного—
При дорогѣ самой иль копёнъ, иль стòга;
Да порой, взобравшись на бугоръ открытый,
Встрѣтишь очертанье сироты-ракиты...
Слышу: гдѣ-то ѣдутъ; близокъ звукъ рессорный;
Ничего не вижу, кромѣ ночи черной.
Съ кѣмъ-то на распутьи мы, не безъ испуга,
Съѣхавшись, разстались, не видавъ другъ друга.
Черной ночи царство, царство чернозема...
Огонекъ бы видѣть! Быть скорѣй бы дома!

1886 г.

7.

Осеннiй дождь въ деревнѣ.

Прозрачныхъ дней прошла пора
И туча сѣрая нависла.
Льетъ дождь осеннiй тихо, кисло,—
Не лѣтнiй дождь, какъ изъ ведра.
Ужъ третьи сутки льетъ исправно;
Знать, зарядилъ онъ, не шутя;
И ропщутъ всѣ на дождь, хотя

«Дождь даждь!» молились всѣ недавно.
Здѣсь я — хозяинъ. Какъ же быть,
Чтобъ не порвать съ хозяйствомъ связи,
Когда и по двору ходить
Нельзя по этой страшной грязи?..
И я по комнатамъ хожу.
Потомъ, у оконъ долго стоя,
Сперва въ одно, затѣмъ въ другое
Съ тоской покорною гляжу;
Но рѣдко что-нибудь увижу...
Вотъ Марья-скотница спѣшитъ,
Мокая храбро лапти въ жижу.
А вотъ милѣй, пожалуй, видъ:
Съ перилъ балкона мокрыхъ галка
Однимъ глазкомъ за мной слѣдитъ;
Да улетѣла скоро... Жалко!
И нѣтъ живой души опять.
Вдали — во мглѣ — пустая гладь;
А возлѣ — садъ подъ сѣрой тучей.
Лишь къ вечеру судьба послать
Мнѣ вздумала счастливый случай:
Вдругъ вижу въ цвѣтникѣ телятъ!
Я, какъ хозяинъ, разсердился,
Велѣлъ согнать, и очень радъ,
Что чѣмъ-нибудь распорядился.
Скорѣй бы этотъ день прошелъ!..
А завтра что́ мнѣ дѣлать?.. Боже!
Ужель и завтра — снова то же?..
Межъ тѣмъ накрыли мнѣ на столъ.
И, выпивъ водки, у закуски
Я, по-хозяйски и по-русски,
Придумалъ такъ: велю Петру,
Чтобъ завтра ѣхать поутру, —
Лишь только я съ постели встану, —

Верхомъ въ село къ отцу Ивану
Сказать, что такъ какъ на гумнѣ
Мѣшаетъ дождь его занятьямъ,
То я прошу его ко мнѣ:
Служить молебенъ съ водосвятьемъ.

1886 г.

8.

По поводу дождя и снѣга.

Сегодня снѣгъ примчали облака.
Ужъ звѣздами онъ по̀ вѣтру летаетъ.
Усадьбу всю запорошивъ слегка,
Онъ на травѣ застынувшей не таетъ;
И хоть къ полудню близко, но пока
Ночной морозъ еще не отпускаетъ;
И, въ жесткіе комки преобразясь,
Вчерашняя совсѣмъ исчезла грязь.

Я первый снѣгъ, любимый мной измлада,
Встрѣчалъ всегда и нѣжно, и добро;
Но думать вамъ, читатель мой, не надо,
Что я теперь затѣмъ беру перо,
Чтобъ воспѣвать и легкій снѣгъ, и сада
Одѣтыя деревья въ серебро.
Про снѣгъ довольно. И притомъ едва ли
Дни осени дождливой миновали.

Мнѣ хочется повѣдать вамъ мой страхъ,
Что, можетъ быть, увлекъ я васъ обманомъ,
Дня три тому задумавши въ стихахъ
Упреки слать за мглу сырымъ туманамъ

И рѣчь вести съ досадой о дождяхъ.
Хозяевамъ уподобляясь рьянымъ,
Я лишь вошелъ въ ихъ роль, когда дожди
Имъ говорятъ, дразня ихъ: подожди!

Моя душа, напротивъ, наслаждалась
Въ сообществѣ осенняго дождя.
Я былъ совсѣмъ одинъ и мнѣ писалось.
Хоть слабое, а все-таки дитя
На свѣтъ моею музой зарождалось.
И хорошо мнѣ было! Не шутя,
Однѣ лишь эти радости не мнимы.
Творить и наслаждаться — синонимы.

Дни ясные-ль еще ко мнѣ придутъ,
И озарятъ весь видъ вдали и возлѣ;
Осенніе-ль дожди опять польютъ;
Поля и садъ посеребритъ морозъ ли, —
Все будетъ милъ мнѣ тихій мой пріютъ.
И помяну признательно я послѣ,
Среди суетъ и праздной болтовни,
Въ безмолвіи прожитые тамъ дни.

1886 г.

9.

Зима идетъ.

Средь ночи бурной и ненастной,
Когда гудѣлъ со всѣхъ сторонъ
Осеній вѣтеръ, я напрасно
На помощь звалъ безмолвный сонъ.

Притомъ же, близъ меня, нерѣдко
Съ двора, гдѣ было такъ темно,
Сухой постукивала вѣткой
Сирень тревожная въ окно.

Мнѣ было жутко и печально...
Однако все же я заснулъ;
И нынче радостно изъ спальной
Въ окно веселое взглянулъ.

Кругомъ вездѣ—свѣтло и бѣло!
А было грязно такъ вчера.
Съ покровомъ чистымъ подоспѣла
Зимы опрятная пора.

Весь сельскій бытъ, съ явленьемъ снѣга,
Вдругъ измѣнился тамъ и тутъ...
Въ сарай ужъ вдвинута телѣга;
Зерно въ амбаръ въ саняхъ везутъ.

Привѣтъ зимѣ у всѣхъ на лицахъ;
Вчерашней скуки нѣтъ ни въ комъ;
Всѣмъ веселѣе въ рукавицахъ
И въ полушубкѣ съ кушакомъ.

Самъ одѣваюсь я поспѣшнѣй
И на дорогу выхожу:
Скорѣй на видъ природы здѣшней
Въ уборѣ снѣжномъ погляжу.

Зима идетъ, морозомъ вѣя...
И я, какъ всѣ, ей тоже радъ;
И воробьи еще рѣзвѣе
Въ кустахъ, чирикая, шуршатъ.

Гостепріимный запахъ дыма
Изъ трубъ доносится ко мнѣ;
Роняя снѣгъ, проходятъ мимо
Подъ солнцемъ тучки въ тишинѣ.

Какъ тихо тамъ въ дубовой рощѣ!
Какъ въ чистомъ воздухѣ свѣжо!
Что́ можетъ быть на свѣтѣ проще,
И какъ все это хорошо!

1886 г.
Павловка.

10.

Отъѣздъ изъ деревни.

На колесахъ ѣхалъ. Снѣгъ недавній стаялъ.
Я дорогъ подобныхъ никогда не чаялъ.
Земскія дороги... Ихъ ремонтъ не дорогъ.
Я съ утра до ночи одолѣлъ верстъ сорокъ.
Тщетно пѣшехода догоняла тройка,
Хоть и онъ по грязи двигался не бойко.
Пылъ воображенья и картинность въ слогѣ
Передать безсильны земскія дороги.
А при самомъ въѣздѣ въ городъ нашъ уѣздный
Чуть-что не былъ грязной поглощенъ я бездной;
И когда, разбитый, я ввалился въ номеръ,
Очень былъ доволенъ, что еще не померъ.
Но желанье тутъ же овладѣло мною
Тотъ же путь проѣхать будущей весною.
Чтобъ пожить въ деревнѣ, вынесть я способенъ
Даже пытку земскихъ рытвинъ и колдобинъ.

1887 г.
Москва.

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПИРУШКѢ.

Сердце! Жить мнѣ трудно стало.
Что́ мнѣ дѣлать? Ахъ, отвѣть!
И мнѣ сердце отвѣчало:
Надо чаще пить и пѣть.

Ну, а разумъ! Ты вѣдь свѣтелъ;
Просвѣти-ка, не обидь!
И мнѣ разумъ мой отвѣтилъ:
Хорошо бы—пѣть и пить.

Оба такъ они рѣшили.
Значитъ, какъ тутъ ни вертѣть,
Остается только: или—
Пѣть и пить, иль пить и пѣть.

1886 г.
Петербургъ.

ДВА ГРѢХОВОДНИКА.

—•

Когда я слышу и читаю,
Съ чѣмъ, за послѣдній рядъ годинъ,
Идетъ на зовъ къ родному краю
Нашъ одичалый гражданинъ;
Что̀ изъ былого имъ забыто;
Что̀ сохранить бы онъ желалъ;
Какой общественнаго быта
Имъ возлелѣянъ идеалъ;—
Тогда, ему противорѣча,
Моя душа возмущена —
И вспоминается одна
Мнѣ живо уличная встрѣча.
О, еслибъ мой разсказъ о ней
Могъ быть урокомъ и уликой!

Широкой масляницы дней
Смѣнилъ безумство постъ великій.
Церковный благовѣстъ пресѣкъ
Тотъ пиръ, что̀ дни и ночи длился,
И въ кабакѣ перекрестился
Скотоподобный человѣкъ.

Онъ одуренъ хмельнымъ угаромъ,
Но ужъ внимаетъ въ смутномъ снѣ,
И улицъ трезвой тишинѣ,
И мѣрнымъ въ колоколъ ударамъ.
Пора замаливать свой грѣхъ!
Тому, кто ищетъ въ буйствѣ пьяномъ
Душѣ скучающей утѣхъ;
Кто на землѣ живетъ обманомъ;
Кто сердцемъ золъ и горделивъ;
Кто волей слабъ, кто духомъ боленъ
И всѣмъ намъ грѣшнымъ съ колоколенъ
Звучитъ задумчивый призывъ.
Я шелъ близъ церкви. Двери входа
Открыты были въ этотъ часъ,
И много всякаго народа
Входило, набожно крестясь.
И натолкнулся я невольно
На одного изъ тѣхъ гулякъ,
Которымъ позывъ богомольный
Помогъ забыть родной кабакъ.
Сюда явясь оттуда прямо,
Хотѣлъ и онъ войти, но вотъ—
Остановясь въ преддверьѣ храма,
Застылъ, не двигаясь впередъ...
Тамъ дымъ кадила благовонный
Волнами ходитъ вверхъ и внизъ;
Тамъ смотрятъ на людей иконы
Изъ золотыхъ вѣнцовъ и ризъ;
Тамъ ангелы и херувимы
Глядятъ изъ купола на нихъ;
Тамъ силъ небесныхъ сонмъ незримый
Въ мольбахъ участвуетъ людскихъ!..
Хоть, правда, входъ во храмъ священный
И бѣднякамъ открытъ, но тамъ

Всѣ люди чисты, всѣ степенны
И свѣчи ставятъ къ образамъ;
А онъ бы нищенкѣ сосѣдней
Не смѣлъ похлопать по плечу,
Чтобъ чрезъ нее, на грошъ послѣдній,
Послать Спасителю свѣчу.
Въ одномъ, безъ пуговицъ, «пенджàкѣ»
Съ висящей спереди полой,
Оторванной въ кабачной дракѣ;
Въ штанахъ дырявыхъ съ бахромой;
Въ калошахъ на босую ногу,
Въ которыхъ онъ прибрелъ, скользя...
Хоть такъ молиться можно Богу,
Но только стоя у порогу;
Такъ въ Божій домъ войти нельзя!
А про лицо, про образъ Божій,
Какъ и подумать безъ стыда?
Съ такой подбитой, пьяной рожей
Не входятъ въ церковь никогда...
И онъ, бѣднякъ, дрожа отъ стужи,
На томъ же мѣстѣ все стоитъ;
Все въ дверь стеклянную, снаружи
За службой тщательно слѣдитъ.
Дойдетъ ли возгласъ іерея,
Раздастся-ль пѣвчихъ стройный хоръ,—
Его все глубже, все больнѣе
Тревожитъ совѣсти укоръ.
Но, не ища себѣ покою,
Межъ тѣмъ какъ бьетъ его ознобъ,
Усердно грязною рукою
Онъ креститъ свой разбитый лобъ..

Съ моимъ гулякою, пожалуй,
Удобно можетъ быть сравненъ

Тотъ гражданинъ нашъ одичалый,
Сынъ блудный нынѣшнихъ временъ; —
Но не съ молившимся у храма;
Не въ день возмездья; не тогда,
Какъ, чуя гнетъ грѣховъ и срама,
Весь изнывалъ онъ отъ стыда.
О, торжествующій межъ нами,
Покрытъ и срамомъ, и грѣхами,
Нашъ современникъ не таковъ!
Онъ, гордо лобъ закинувъ мѣдный,
Предъ алтаремъ отчизны бѣдной
Священнодѣйствовать готовъ.

1886 г.
Петербургъ.

*
* *

Какъ будто все всѣмъ надоѣло.
Застыли чувства; умъ зачахъ;
Ни въ чемъ, нигдѣ—живого дѣла,
И лишь по горло всѣ въ дѣлахъ.

Средь современности безцвѣтной
Вступили въ связь добро и зло;
И равнодушье незамѣтно,
Какъ ночь, насъ всѣхъ заволокло.

Намъ жизнь не скорбь и не утѣха;
Въ нее нашъ вѣкъ лишь скуку внесъ;
Нѣтъ въ этой пошлой шуткѣ—смѣха;
Нѣтъ въ этой жёсткой драмѣ—слезъ.

Порой, какъ силъ подземныхъ взрывы
Крамола насъ всколышетъ вдругъ,—
И бытъ безпечный и лѣнивый
Охватятъ ужасъ и испугъ.

Иль вдругъ родится мысль больная,
Что людямъ надобна война,—
И рвемся мы къ войнѣ, не зная
Ни почему, ни съ кѣмъ она.

Но чуть лишь мы, затишью вѣря,
Отъ передряги отдохнемъ,
Какъ страхъ и злая похоть звѣря
Ужъ въ насъ смѣнились прежнимъ сномъ.

И вновь, унылой мглой одѣты,
Дни скучной тянутся чредой,
Какъ похоронныя кареты
За гробомъ улицей пустой.

1887 г.
Петербургъ.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Зиму жизни озаряетъ
Отблескъ вешній. То, что было,
Юность намъ напоминаетъ;
Потому оно и мило.

Мнѣ седьмой идетъ десятокъ;
Свой романъ я кончу скоро.
Въ немъ не мало опечатокъ
И умышленнаго вздора;

Но я, путь свершая жизни,
Много слышалъ, много видѣлъ;
Много я въ моей отчизнѣ
И любилъ, и ненавидѣлъ.

Живы всѣ воспоминанья!
Вижу въ прошломъ, будто нынѣ,
Пробужденье въ насъ сознанья—
Словно выходъ изъ пустыни.

Сколько въ высь и въ ширь стремленій
Но задержекъ сколько вмѣстѣ!..
Все же болѣй или менѣй
Не стояли мы на мѣстѣ.

Наконецъ пора приспѣла:
Мы прославились на дѣлѣ,
И въ лицо Европѣ смѣло,
Какъ роднѣ своей, глядѣли.

Но эпохи этой славной
Все вспомянутое мною
Было собственно недавно;
Нынче-жъ вѣетъ стариною.

Мы, шагнувъ еще немножко,
Къ временамъ вернемся давнимъ.
Европейское окошко
Закрывается ужъ ставнемъ.

Ржа доспѣховъ, пыль архива
Въ жизни внутренней и внѣшней;
Звукъ стариннаго мотива;
Утро жизни; отблескъ вешній...

Такъ все нынче повторяетъ
Что̀ давно ужъ съ нами было,
Юность такъ напоминаетъ,—
Что должно быть очень мило!

1887 г.
Петербургъ.

СТОЛКОВАЛИСЬ.

—•—

КОНСЕРВАТОРЪ.

Вѣдь умъ — гордецъ и забіяка!
Будь по природѣ онъ слугой —
И разговоръ бы былъ другой!
Не такъ ли?

ЛИБЕРАЛЪ.

Да; но все-жъ однако...

КОНСЕРВАТОРЪ — *перебивая.*

Его замкнуть бы въ тѣсный кругъ
Рукою властною полезно.
Такъ прыть коня уздой желѣзной
Мы умѣряемъ.

ЛИБЕРАЛЪ.

Ну, а вдругъ?

КОНСЕРВАТОРЪ — *перебивая.*

По духу времени, не есть ли
Политики задача въ томъ,

Чтобъ руководствовать умомъ?
Чтобъ подчинять его?

ЛИБЕРАЛЪ.

А если...?

КОНСЕРВАТОРЪ — *перебивая.*

Противъ ума вести умно
Борьбу обдуманную надо.
Умъ — крѣпость вражья...

ЛИБЕРАЛЪ.

Но...

КОНСЕРВАТОРЪ.

Осада
Ея нужна!

ЛИБЕРАЛЪ.

Конечно; но...

КОНСЕРВАТОРЪ — *перебивая.*

Что: но?

ЛИБЕРАЛЪ — *сконфуженный.*

Конечно, мы упрочимъ,
Такъ безопасность; но... но мы...
А если вдругъ...? Вѣдь есть умы,
Напротивъ, такъ сказать... А впрочемъ!!..

Махаетъ рукой.

1887 г.
Петербургъ.

ЦВѢТУЩАЯ СТАРОСТЬ.

(Посвящается Виктору Антоновичу Арцимовичу).

•

Земля, для дней веселыхъ мая,
Одѣлась въ лучшій свой нарядъ;
И весь въ цвѣту, благоухая,
Предсталъ предъ нимъ фруктовый садъ.

Въ кругу цвѣтущей молодежи
Есть яблонь старая. Она
Ужъ къ долу клонится, но тоже
Богатымъ цвѣтомъ убрана.

Полюбоваться старымъ другомъ
Подходитъ къ ней сѣдой старикъ,—
Но въ немъ, въ отпоръ его недугамъ
Духовныхъ силъ запасъ великъ.

Для всѣхъ явленій жизни зорки
Въ привѣтъ веснѣ они слились:
Старушка — лежа на подпоркѣ,
Старикъ — на посохъ опершись.

1887 г.
Рунторгъ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

—•

Внушаетъ старость мнѣ почтеніе невольно...
Не даромъ старъ я самъ. Но какъ зато мнѣ больно,
Когда приходится увидѣть старика
Еще здороваго, который даже въ силахъ
И тяжкій трудъ подъять, и пошалить слегка,
Но ужъ носителя и чувствъ, и мыслей хилыхъ!
По жизненной стезѣ осмысленно онъ шелъ;
Когда-то былъ уменъ, и съ сердцемъ былъ не черствымъ,
И различать умѣлъ причины благъ и золъ;
И правду защищалъ съ безтрепетнымъ упорствомъ...
Вдругъ — превращеніе. Великій въ жизни даръ,
Такъ свойственный тому, кто опытенъ и старъ,
Даръ прозорливости смѣнился почему-то
Въ немъ дальновидностью дѣвицъ изъ института.
Отчизну возлюбивъ теперь еще сильнѣй,
Онъ духа доблести страшиться началъ въ ней;
Блеснетъ ли свѣта лучъ -ручьемъ онъ слезы точитъ;
Гдѣ плакать надо бы—онъ чуть-что не хохочетъ;
Онъ въ смерти видитъ жизнь; онъ въ камнѣ видитъ хлѣбъ...
Такъ сердцемъ онъ заглохъ! такъ умственно ослѣпъ!
Онъ— чадо времени. Насъ злой какой-то геній

Дурачитъ зрѣлищемъ волшебныхъ превращеній,
И за людей нельзя ручаться въ наши дни.
Что̀ ежели и мнѣ... О, Боже, сохрани!..
И мнѣ, на старости, вдругъ станетъ неизвѣстно:
Что̀ глупо, что̀ умно, что̀ честно, что̀ безчестно??..

1887 г.
Петербургъ.

*
* *

Сняла съ меня судьба, въ жестокій этотъ вѣкъ,
Такой великій страхъ и жгучую тревогу,
Что я сравнительно—счастливый человѣкъ:
Нѣтъ сына у меня; онъ умеръ, слава Богу!
Ребенкомъ умеръ онъ. Хорошій мальчикъ былъ;
Съ улыбкой доброю; отзывчивый на ласки;
И, мнилось, огонекъ загадочный таилъ
Которымъ вспыхивали глазки.

Онъ былъ бы юношей теперь. Въ томъ и бѣда.
О, какъ невесело быть юнымъ въ наше время!
Не столько старости недужные года,
Какъ молодость теперь есть тягостное бремя.
А впрочемъ, удрученъ безвыходной тоской,
Которая у насъ на утрѣ жизни гложетъ,
Въ самоубійствѣ бы обрѣлъ уже, быть можетъ,
Онъ преждевременный покой.

Но еслибъ взяли верхъ упорство и живучесть,
Въ ряды преступные не сталъ ли бы и онъ?
И горько я его оплакивалъ бы участь—
Изъ міра, въ цвѣтѣ лѣтъ, быть выброшеннымъ вонъ.
Иль можетъ быть, въ средѣ распутства и наживы,
Соблазномъ окруженъ и юной волей слабъ,
Онъ духа времени покорный былъ бы рабъ...
Такіе здравствуютъ и живы.

А сколько юношей на жизненномъ пути
Какъ бы блуждающихъ средь мрака и въ пустынѣ!
Гдѣ цѣль высокая, къ которой имъ идти?
Въ чемъ жизни нашей смыслъ? Въ чемъ идеалы нынѣ?
Съ кого примѣры брать? Гдѣ подвигъ дѣлъ благихъ?
Гдѣ торжество ума и доблестнаго слова?
Какъ страшно было бы за сына мнѣ родного,
Когда такъ жутко за другихъ!

1888 г.
Петербургъ.

ВЫСТАВКА МАШИНЪ.

Когда-то я выставку видѣлъ машинъ;
Всѣ шли онѣ будто бы въ дѣлѣ.
На нихъ торговѐцъ, фабрикантъ, селянинъ
Съ большимъ интересомъ глядѣли.

Да могъ ли и быть интересъ не великъ?
Крутятся, какъ вихри, колеса;
Огромный порхаетъ, гудя, маховикъ;
Работаетъ поршень насоса.

Какъ легкія ленты мелькаютъ ремни;
Стараются клапаны, краны;
Усердны въ трудѣ—рычаги, шестерни;
Упорны—винты, барабаны.

И вотъ—регуляторы мирной борьбы,
Ведомой вполнѣ машинально,
Сверкаютъ шары, словно мѣдные лбы,
Впередъ выступая нахально.

Машины на сложный разсчитаны трудъ,
Искусной сноровкой владѣютъ;

Но въ этомъ собраньѣ не шьютъ и не ткутъ,
Не жнутъ, не молотятъ, не сѣютъ...

Когда провожу, среди дамъ и мужчинъ,
Часы въ словопреніяхъ разныхъ,—
Случается выставку вспомнить машинъ,
Блестящихъ, шумящихъ—и праздныхъ.

1888 г.
Петербургъ.

МОЕЙ МУЗѢ.

Чтобъ мнѣ въ моихъ скорбяхъ помочь,
Со мной ты плакала, бывало...
Теперь не плачь! Пускай, какъ ночь,
Когда дождей пора настала,
Одинъ я, молча, слезы лью,
Храня, какъ тайну, грусть мою.

То грусть порой по старомъ счастьѣ...
Ее сравнить могла бы ты
Съ тоской стебля, когда ненастье
Вдругъ оборветъ съ него цвѣты
И унесетъ ихъ въ даль, куда-то,
Откуда нѣтъ уже возврата.

Порой грущу, что старъ ужъ я;
Что чую смерти близкій холодъ
И жуткій мракъ небытія,—
Межъ тѣмъ какъ я—душою молодъ,
И животворный сердца пылъ
Еще съ лѣтами не остылъ.

Не надо звуковъ скорбной нѣги;
Не надо старческую грусть

Принаряжать въ стихахъ элегій.
А если плачется,—ну, пусть,—
Коль сердцу есть въ слезахъ отрада;
Но слезъ риѳмованныхъ—не надо!

1888 г.
Москва.

*
* *

(Посвящается О. А. Р.).

Живу, какъ будто съ новой силой
Всѣ блага жизни возлюбя;
Но я сильнѣй, о, другъ мой милый,
Дитя мое, люблю тебя.

Ужъ если сердцемъ престарѣлымъ
Влекусь я къ радостямъ земнымъ,—
Всѣ блага жизни быть удѣломъ
Должны бы, юная, твоимъ.

Тебя, межъ тѣмъ, уже невзгода
Постигла горестныхъ утратъ;
Въ твоей любви зарю восхода
Смѣнилъ безвременно закатъ.

И, словно день тоскливо-сѣрый,
Проходитъ скучно жизнь твоя;
Живешь ты въ будущее вѣрой,
Тоску по прошломъ затая.

И намъ, въ твоемъ безмолвьѣ гордомъ,
Душевныхъ струнъ не слышенъ стонъ...

О, еслибъ радостнымъ аккордомъ
Былъ наконецъ онъ разрѣшенъ!

Теперь, когда я съ новой силой
Всѣ блага жизни возлюбилъ,
Цѣною ихъ, о, другъ мой милый,
Тебѣ бы счастье я купилъ.

И еслибъ то, чего желала-бъ
Моя любовь къ тебѣ, сбылось,—
Разлуку съ жизнью бы безъ жалобъ
И безъ борьбы я перенесъ.

1888 г.
Павловка.

*
* *

Прошли тѣ сильные года̀,
Съ ихъ неподкупностію строгой,
Съ ихъ волей страстною, когда
Отъ жизни требовалъ я много...
Ужъ тѣ прошли мои года̀!

Все въ этой жизни было лживо;
Но съ ней разлуки труденъ мигъ,
Какъ съ лаской женщины красивой
Тому, кто къ ласкѣ той привыкъ,—
Хотя бы все въ ней было лживо.

«Ласкай меня! Не уходи!»
Такъ нынѣ къ жизни я взываю.
«Немного лѣтъ мнѣ впереди...
«Я зло забылъ; я все прощаю,
«Лишь отъ меня не уходи!»

1888 г.
Павловка.

* * *

О, пѣсни старости—завѣтъ предсмертныхъ думъ
И трепетъ радостный души еще живучей!..
Такъ осенью намъ лѣсъ даритъ послѣдній шумъ,
И листьевъ въ воздухѣ играетъ рой летучій.

1888 г.
Павловка.

«ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ».

Первое посланіе къ Өессалоникійцамъ
Св. Ап. Павла *(IV, 19)*.

Я къ вамъ, ровесники мои, отцы и дѣды,
О родинѣ скорбя, держать задумалъ рѣчь.
Мнѣ кажется, что я какъ гору скину съ плечъ,
Вамъ душу высказавъ средь искренней бесѣды.
Вѣдь въ сѣти юныхъ грёзъ намъ, зрѣлымъ, трудно впасть;
Въ насъ нѣтъ охоты быть ни жертвой, ни героемъ;—
Итакъ, въ бесѣдѣ, мы, порядокъ чтя и власть,
Лишь на себя глаза откроемъ.

Хоть тотъ же дѣятель на сценѣ, да не тотъ!
Участникъ дѣлъ былыхъ порой неузнаваемъ...
Мы время темное теперь переживаемъ;
Кто скажетъ: что̀ въ судьбахъ грядущаго насъ ждетъ?
Участникъ дѣлъ былыхъ, надеждами богатыхъ,
Почтенный дѣятель въ недавней старинѣ,—
Какъ будто опьянѣвъ, почилъ на лаврахъ смятыхъ
И спитъ, кощунствуя во снѣ.

Благочестивыми воздвигнутъ былъ руками,
Какъ благолѣпный храмъ, Россіи новый строй;

Предъ алтаремъ служилъ тотъ дѣятель былой
И вѣрующихъ сонмъ тѣснился въ этомъ храмѣ...
Теперь онъ опустѣлъ; всѣ входы прахъ занесъ;
Священнодѣйствій нѣтъ; онъ теменъ и печаленъ;
И ползаетъ въ немъ гадъ; и, лая, бродитъ песъ,
Какъ средь заброшенныхъ развалинъ.

Подумать—страхъ беретъ, что нынѣ меньшинство,
Покуда вѣрное гражданственнымъ началамъ,
Ужъ представляется явленьемъ запоздалымъ.
Таковъ переворотъ. Чѣмъ объяснимъ его?
Чт̀о возбуждаетъ въ насъ враждебность и сомнѣнья?
Иль барщина честнѣй свободнаго труда?
Иль мракъ невѣжества полезнѣй просвѣщенья?
Безсудье-ль правильнѣй суда?

Я знаю: былъ объятъ за родину тревогой
Ты, русскій гражданинъ, въ тѣ смутъ крамольныхъ дни...
Ты правъ: ученіе преступное казни,—
Но неповинныхъ въ немъ святыхъ началъ не трогай!
Та проповѣдь средь насъ опасностей полна,
Что будто бы они съ порядкомъ несовмѣстны;
Порядка вѣрный стражъ—тотъ въ наши времена,
Кто ихъ послѣдователь честный.

Но смѣлость доблести въ насъ никнетъ; духъ нашъ спитъ;
Звучатъ еще слова, но мысли—ни единой;
Но искры Божьей нѣтъ. Затянутаго тиной
Болотнаго пруда таковъ сонливый видъ.
Грѣшны̀ и жалки мы, безъ пользы жизнь кончая
И безъ луча надеждъ! Чт̀о сѣешь, т̀о пожнешь.
И сердце черствое, и голова пустая—
Такъ въ жизнь вступаетъ молодежь.

О, если чувство въ насъ еще не вовсе глухо,
Дѣтей и родину спасемъ, разсѣявъ сонъ!
Завѣтъ апостола: «не угашайте духа!» —
Напоминаю вамъ. Какъ знать? въ дали временъ,
Быть можетъ, къ нравственной воззвать придется силѣ;
И вотъ — сердца молчатъ, заглохшій разумъ — нѣмъ...
Отвѣтитъ тишина могильная — затѣмъ,
Что духа нѣтъ, духъ угасили.

1888 г.
Павловка.

* * *

Они какъ звѣзды въ мутной мглѣ,
Иль будто въ сумракѣ видѣнья—
Тѣ годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья..

Меня сподобила судьба
Тогда узрѣть въ моей отчизнѣ
Съ освобожденіемъ раба
Преображеніе всей жизни...

Той свѣтлой жизни въ старомъ злѣ
Пришла пора исчезновенья...
Какъ звѣзды гаснутъ въ мутной мглѣ,
Какъ меркнутъ въ сумракѣ видѣнья.

Къ дѣламъ добра затерянъ слѣдъ;
Въ сердцахъ опять—вражда и злоба...
Чего-жъ мнѣ ждать на склонѣ лѣтъ,
Уже вблизи, быть можетъ, гроба?

О, годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья!
На быстромъ времени крылѣ
Вы мчитесь къ пропасти забвенья.

1889 г.
Рунтортъ.

ЗАБЫТЫЯ СЛОВА.

(Посвящается памяти М. Е. Салтыкова).

—•—

Слова священныя, слова временъ былыхъ,
Когда они еще знакомо намъ звучали...
Увы! Зачѣмъ же, полнъ гражданственной печали,
Предъ смертью не успѣлъ ты намъ напомнить ихъ?
Тѣ лучшія слова, такъ людямъ дорогія,
Въ комъ сердце чувствуетъ, чья мыслитъ голова:
Отчизна, совѣсть, честь и многія другія
Забытыя слова.

Быть можетъ, честное перо твое могло-бъ
Любовь къ отечеству напомнить «патріотамъ»;
Поднять подавленныхъ тяжелымъ жизни гнетомъ;
Заставить хоть на мигъ поникнуть мѣдный лобъ;
Спасти обрывки чувствъ, которыя остались;
Уму отвоевать хоть скромныя права;
И, можетъ быть, средь насъ тѣ вновь бы повторялись
Забытыя слова.

Преемника тебѣ не видимъ мы пока.
Чей смѣхъ такъ золъ? и чья душа такъ человѣчна?

О, пусть твоей души намъ память будетъ вѣчна;
Земля-жъ могильная костямъ твоимъ легка!
Ты, правдой прослуживъ весь вѣкъ своей отчизнѣ,
Ужъ смерти обреченъ, дыша уже едва,
Намъ вспомнить завѣщалъ, средь пошлой нашей жизни,
Забытыя слова.

1889 г.
Рунтортъ.

ПѢСНИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

—•—

1.

Уединеніе въ деревнѣ—мнѣ отрада.
Хотѣлъ бы, чтобъ сюда заглохли всѣ пути.
Свободы, тишины, безмолвія мнѣ надо;
Отъ современности подальше бы уйти.

Сама, въ нашъ грубый вѣкъ, Европа одичала.
Средь важныхъ мелочей и хитроумныхъ дрязгъ
Безмолвствуютъ добра великія начала,
И угрожающій желѣза слышенъ лязгъ.

На родинѣ еще мнѣ ближе и знакомѣй
Дѣла и помыслы героевъ нашихъ дней...
Ихъ торжествующихъ здѣсь нѣтъ физіономій,
И, слава Богу, здѣсь не слышно ихъ рѣчей.

О, современникъ нашъ какъ жалокъ зачастую!
Онъ свѣжей новизны обидъ не перенесъ
И обратился вспять на старину гнилую,
Какъ на блевотину свою нечистый песъ.

Мнѣ опротивѣли и толки, и сужденья,
И эта суета, и праздный этотъ духъ
Коль не ребяческой потѣхи истребленья,
То кропотливости помѣшанныхъ старухъ.

Переливанье же въ пустое изъ пустого
(Занятье русское) ужъ мнѣ не въ мочь: я старъ.
Мы безъ бѣды могли-бъ лишиться дара слова —
Для высшихъ думъ теперь не нуженъ этотъ даръ.

Мой опытъ жизни всѣ надежды уничтожилъ;
Не вѣрю ничему въ отечествѣ моемъ...
И вотъ я до чего, живя на свѣтѣ, дожилъ!
Уединеніе—отрада вся лишь въ немъ.

1889 г.

2.

Обитель мирная, пріютъ благословенный,
Обѣтованная мнѣ Господомъ земля!
Мнѣ краше и милѣй, о, вы, во всей вселенной —
Мой сельскій домъ, и садъ, и роща, и поля.

Здѣсь отъ житейскихъ бурь я въ старческіе годы
Себѣ убѣжище нашелъ. Такъ ветхій челнъ,
Въ затишьѣ пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется въ сосѣдствѣ шумныхъ волнъ.

За все, что́ есть въ тебѣ, за все, что̀ слышу, вижу,
За тихій твой просторъ, за красоту твою,
За то, что нѣтъ въ тебѣ того, что̀ ненавижу,
Родимый уголъ мой, тебя я такъ люблю.

Прими же ты меня подъ сѣнь свою радушно;
Покой цѣлительный дай сердцу и уму!
На людяхъ—какъ въ тюрьмѣ становится мнѣ душно;
Мнѣ хочется пожить на волѣ одному.

Свободы, тишины, безмолвія хочу я.
Съ природой бы родной прожить остатокъ дней
Въ уединеніи! Потомъ, конецъ почуя,
Хотѣлъ бы хоть въ окно успѣть проститься съ ней.

А ты, природа-мать, и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу, немолчно говори!

1889 г.
Павловка.

СЕЛЬСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ и КАРТИНКИ.

(Серія вторая).

I. — ЛѢТОМЪ.

—

1.

Вечерняя заря.

Была пора уборки хлѣба,
Пора въ поляхъ работы страдной.
Садилось солнце, меркло небо
И вѣтерокъ подулъ прохладный.

Ужъ бабы съ граблями толпою
Ушли съ оконченной работы;
И ихъ напѣва, подъ горою,
Чуть слышны тающія ноты.

Ушли крестьяне молчаливо;
А между тѣмъ ужъ солнце сѣло,
Когда покинутая нива
Еще не вовсе опустѣла.

Въ телѣгѣ кормитъ мать ребенка;
Отецъ и мальчикъ расторопный
Ужъ запрягли; но лошаденка
Туда все тянется, гдѣ ко̀пны.

И вдругъ за этой кучкой черни,
Надъ скуднымъ бытомъ темныхъ міра —
Зажглись огни зари вечерней
И развернулася порфира...

Я ихъ узрѣлъ, съ ихъ нищетою,
Съ ихъ видомъ кроткимъ и усталымъ,
Парчей убранныхъ золотою,
Среди лучей, подъ сводомъ алымъ.

И мнилось мнѣ, что съ небосклона
Въ юдоль труда и воздыханья
Сошла явленная икона
Въ вѣнцѣ небеснаго сіянья.

1888 г.
Павловка.

2.

КАКЪ ШУМЯТЪ МОИ ЛИПЫ.

Въ часы ли отрады, иль горя,
Люблю навѣщать я мой садъ.
Тамъ старыя липы, мнѣ вторя,
Сочувственнымъ звукомъ шумятъ.

Сижу ли я утромъ въ аллеѣ,
Погодѣ сіяющей радъ, —
И липы мои веселѣе,
Какъ будто, мнѣ сверху шумятъ.

Духовнымъ ли взоромъ порою,
Грустя, оглянусь я назадъ, —
Возросшія вмѣстѣ со мною
И липы такъ грустно шумятъ.

Подъ вечеръ предамся ли думамъ, —
Очнувшись, я слышу: мнѣ въ ладъ
Какимъ-то таинственнымъ шумомъ
Задумчиво липы шумятъ.

Спасибо имъ! Нынѣшнимъ лѣтомъ
Мнѣ, цѣлыми днями подъ-рядъ,
Все добрымъ, радушнымъ привѣтомъ
Родимыя липы шумятъ.

Когда же на краѣ равнины
Свершается солнца закатъ, —
Молитву прошепчутъ вершины
И въ алой зарѣ замолчатъ.

1888 г.
Павловка.

II. — ОСЕНЬЮ.

—•—

1.

Тàкъ полночь темная тепла,
Тàкъ въ жаркій полдень много свѣта,
Какъ будто осень не пришла
И длится пламенное лѣто.

Плывутъ и таютъ облака
Въ просторѣ яркомъ и спокойномъ;
На горизонтѣ, какъ рѣка,
Струится воздухъ паромъ знойнымъ;

Освобожденныя поля
Блестятъ подъ паутиной тонкой;
Порой на пашнѣ вихрь, пыля,
Бѣжитъ крутящейся воронкой;

Плодами сильно пахнетъ садъ;
Гумно—мякиной и соломой;
И дуба вѣетъ ароматъ
Изъ рощи съ дѣтства мнѣ знакомой.

Опять, какъ въ юные года,
Я здѣсь живу въ тиши привольной...
Мнѣ было радостно тогда;
Теперь—мнѣ радостно и больно.

1889 г.
Павловка.

2.

Душа то грустію томима,
То тихой радостью полна...
Летѣли дни неуловимо, —
И пролетѣло лѣто мимо,
Какъ грёза прерваннаго сна.

Все къ неминуемой развязкѣ
Въ природѣ вянущей идетъ.
Нѣтъ съ неба прежней теплой ласки!
Ужъ былъ морозъ; другія краски;
Другіе звуки; видъ не тотъ.

Аллея липъ въ саду раскрыта;
И съ высоты вѣтвей нагихъ,
Гдѣ гнѣздъ весною много свито,
Грачи мнѣ вслѣдъ кричатъ сердито
За то, что я встревожилъ ихъ.

Тогда, какъ были дни свѣтлѣе,
Зайду, бывало, въ старый садъ —
Темна тѣнистая аллея...
Но я, о лѣтѣ сожалѣя,
Признаться, днямъ осеннимъ радъ.

Пока есть слухъ, пока есть зрѣнье
И впечатлѣніе свѣжо,

Любя въ природѣ всѣ явленья,
Твержу я, полнъ благоговѣнья:
«Все хорошо! все хорошо!»

1887 г.
Павловка.

3.

Вечерняя прогулка въ октябрѣ.

Ненастные настали вечера
И сумерки на землю сходятъ рано.
Я, запоздавъ, съ прогулки шелъ вчера
Не то сквозь дождь, не то среди тумана.

И съ вѣтромъ я изъ всѣхъ боролся силъ,
Медлительно шагая по-неволѣ;
А мимо онъ, бушуя, проносилъ,
Какъ быстрыхъ птицъ, сухіе листья въ поле.

И все темнѣй средь поля и темнѣй;
Ужъ я едва могъ различать дорогу...
Но вотъ сперва—миганіе огней,
Затѣмъ и домъ, все ближе понемногу.

Онъ будто звалъ подъ мирный кровъ меня
Оттуда, гдѣ такъ холодно и бурно;
И слышалась, вой вѣтра замѣня,
Мелодія Шопенова ноктурна.

Благая жизнь! Участья къ намъ полна
И ласками привѣтствуя насъ часто,
Какъ услаждать умѣетъ насъ она
Пріемами красиваго контраста!

1890 г.
Павловка.

III. — ЗИМОЮ.

—•—

I.

Первый снѣгъ.

Поверхность всей моей усадьбы
Сегодня къ утру снѣгъ покрылъ...
Подмѣтить все и записать бы,—
Тàкъ первый снѣгъ мнѣ этотъ милъ!

Скорѣй подмѣтить! Онъ побѣду
Уступитъ солнечному дню;
И къ деревенскому обѣду
Ужъ я всего не оцѣню.

Тамъ, въ полѣ, вижу черной пашни
Съ каймою снѣжной борозду;
Весь измѣнился видъ вчерашній
Вкругъ дома, въ рощѣ и въ саду.

Кусты въ уборѣ бѣлыхъ шапокъ.
Узоры стынущей воды,
И въ рыхломъ снѣгѣ птичьихъ лапокъ
Звѣздообразные слѣды...

1888 г.
Павловка.

2.

Красивая смерть.

Ни толкотни людей, ни бѣга экипажей,
Ни улицъ, ни домовъ не видно изъ окна.
За днями дни идутъ, и лишь одна и та же
Снѣговъ глубокихъ гладь мнѣ бѣлая видна.

То деревенское спокойствіе, въ которомъ
Мнѣ жить такъ по̀ сердцу, не можетъ быть полнѣй
Предъ слухомъ—тишина; пустыня—передъ взоромъ;
И смерти чуется владычество надъ ней.

Но, Боже, что́ за смерть! О, какъ она красива,
Когда, соединясь, и солнце, и морозъ
Въ причудахъ инея, какъ сказочное диво,
Меня уносятъ въ міръ какъ бы застывшихъ грёзъ!

Гуляя межъ снѣговъ, и весело, и странно
Мнѣ на пути встрѣчать, въ волшебные тѣ дни,
То формы скудныя съ отдѣлкой филигранной,
То искръ безчисленныхъ холодные огни.

Вездѣ цѣпочки звѣздъ, подвѣски и запястья;
Все радужной игрой лучей озарено...
Зима не вѣдаетъ отличья и пристрастья
И жертвы смерти всѣ украсила равно

1889 г.
Рунтортъ.

3.

Обыкновенный случай.

Не саванъ простертый бѣлѣетъ, къ обряду готовъ погребенья;
Не хора хватаетъ за сердце надъ гробомъ печальное пѣнье;

Не гробъ уже въ яму опущенъ и прахомъ могильнымъ покрытъ;
Не блѣдный покойникъ во гробѣ подъ крышкою низкой лежитъ;

То̀ снѣга бѣлѣетъ равнина, бѣлѣетъ отъ края до края;
То̀ мерзлая вьюга гуляетъ, крутитъ и мететъ, завывая!
То̀ въ полѣ возокъ еле виденъ, въ сугробѣ себя схоронивъ;
То́ путникъ злосчастный полъ-сутокъ сидитъ въ немъ не мертвъ
и не живъ.

1890 г.
Павловка.

4.

Одиночество.

Глубокая въ домѣ царитъ тишина
И крадется время шагами нескорыми.
Предъ снѣжной пустыней стою у окна;
Смотрю черезъ мерзлыя стекла съ узорами.

Близъ дома: сугробы метель намела;
Деревья покрыты пылинками инея;
Вдали—непроглядная бѣлая мгла;
Межъ небомъ и доломъ стушевана линія.

Безмолвны долины, безмолвны холмы;
Какъ будто объяла ихъ дума угрюмая...
И я—передъ грустной картиной зимы—
Безмолвно стою, вспоминая и думая.

1890 г.
Павловка.

IV. — ВЕСНОЮ.

*
*   *

На той же я сижу скамейкѣ,
Какъ прошлогоднею весной;
И снова зрѣетъ надо мной
Ожившій липы листикъ клейкій.

Опять запѣли соловьи;
Опять въ саду—пора цвѣтенья;
Опять по воздуху теченье
Ароматической струи.

На все гляжу, всему внимаю
И, солнцемъ благостнымъ пригрѣтъ,
Опять во всемъ ловлю привѣтъ
Къ землѣ вернувшемуся маю.

Вновь изъ сосѣдняго лѣску,
Гдѣ уже ландышъ есть душистый,
Однообразно, голосисто
Ко мнѣ доносится: ку-ку!..

За цвѣтъ черёмухи и вишни,
За эти пѣсни соловья,
За все, чѣмъ вновь любуюсь я —
Благодарю Тебя, Всевышній!

1891 г.
Стенькино.

* *

Мнѣ за «гражданскую» тоску
Одинъ философъ задалъ гонку
И прочиталъ мнѣ, старику,
Нравоученье, какъ ребенку.

«Впадать въ унынье—не умно;
Смотрѣть на жизнь должны мы бодро.
Вѣдь послѣ дня—всегда темно,
И дождь всегда смѣняетъ вёдро.
Въ явленьяхъ жизни есть черёдъ;
Но ни добра въ нихъ нѣтъ, ни худа.
Вчера бѣжали мы впередъ;
Сегодня пятимся покуда.
Пускай свистятъ бичи сатиръ,
Пусть ноютъ жалобныя пѣсни,—
Когда въ дрему впадаетъ міръ,
Не разбудить его—хоть тресни!
Коль мы безспорно признаёмъ
Законы жизни міровые—
Подъ неизбѣжнымъ ихъ ярмомъ
Покорно склонимъ наши выи.
Гражданскихъ слезъ логичнѣй—смѣхъ!
Противъ рожна не претъ философъ.

Не признаю я вашихъ всѣхъ
Такъ называемыхъ вопросовъ.
Плачъ не спасетъ отъ бѣдъ и золъ.
Въ стихахъ же плачъ не дастъ и славы.
Прощайте. Dixi».

И ушелъ.
Что-жъ! Вѣдь его сужденья—здравы.
Онъ самъ—и молодъ, и здоровъ...
Какія-жъ могутъ быть причины,
Что отъ здоровья этихъ словъ
Такъ вѣетъ запахъ мертвечины?

1890 г.
Стенькино.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

—•—

1.

О чести.

Онъ, честь дворянскую ногами попирая,
Самъ родомъ дворянинъ по прихоти судьбы,
Въ ворота ломится потеряннаго рая,
Гдѣ грезятся ему и розги, и рабы.

2.

О правдивости.

Всѣ тайны—на голо̀! всѣ души—на-распашку!..
Такъ люди не были правдивы никогда.
Но можно маску снять; зачѣмъ снимать рубашку?
Пусть лицемѣрья нѣтъ; зачѣмъ же нѣтъ стыда?
Что-жъ! Просто-ль ихъ тѣснятъ приличныя одежды?
Иль представляются имъ выше наконецъ:
Гонитель знанія—стыдливаго невѣжды.
И робкаго льстеца—отъявленный подлецъ?

3.

О правдѣ.

Друзьямъ безстыднымъ лжи—свѣтъ правды ненавистенъ.
И вотъ—они на мысль, искательницу истинъ,
Хотѣли-бъ наложить молчанія печать—
И съ повелѣніемъ—безропотно молчать!

4.

О приличіи.

Чернить особенно людей онъ честныхъ хочетъ,
Блудница трезвая, однако, не порочитъ
Нахально женщину за то лишь, что она—
И мать хорошая, и честная жена.
Вотъ только гдѣ теперь встрѣчаются примѣры,
Какъ и въ безстыдности блюдется чувство мѣры.

5.

О духовной скудости.

Для творческихъ идей духъ времени—препона;
Отъ лучшихъ замысловъ получится уродъ.
Изъ мрамора рѣзцомъ ваяютъ Аполлона;
Но развѣ вылѣпишь его изъ нечистотъ?

1890 г.
Стенькино.

* * *

Христу не надобны ни страстность изувѣра,
Ни фарисейское приличье ханжества.
Лишь добрыя дѣла Ему угодны. Вѣра
Безъ дѣлъ—мертва.

Подумайте-жъ о всѣхъ тяжелой доли жертвахъ,
О, вы, которыхъ рокъ взлелѣялъ и вознесъ!
Подумайте о нихъ въ тотъ день, когда изъ мертвыхъ
Воскресъ Христосъ!

И можетъ оживить васъ благодать Господня,
Какъ землю мерзлую весенній лучъ съ небесъ;
И вы воскликнете: «Во мнѣ самомъ сегодня
«Христосъ воскресъ!»

1890 г.
Стенькино.

* * *

Пускай живетъ! Хотя старикъ,
Онъ не убогъ и не калѣка;
И мудрость правила постигъ—
Не заѣдать чужого вѣка.

Не только радуетъ его
Все, что̀ велико и прекрасно,
А зла и мрака торжество
Волнуетъ ненавистью страстной;

Но въ мірѣ всѣхъ явленій рядъ
Уму не чуждъ; и, какъ ни малы,
Лишь западутъ въ него, родятъ
Какъ бы мгновенные кристаллы.

О̊, если жить охота есть,
О, если милъ ему міръ Божій,—
Пускай живетъ! Еще принесть
Онъ можетъ пользу молодежи.

1891 г.
Стенькино.

УМНЫЕ ПОЛИТИКИ.

Порой въ отчаянье приводитъ
Меня нашъ старый шаръ земной:
Онъ такъ давно вкругъ солнца ходитъ
Своей незримою тропой;
Въ немъ все такъ сложно, такъ огромно;
Такъ онъ красивъ и такъ богатъ...
Но качествъ этихъ результатъ
Для жизни—менѣе, чѣмъ скромный.
Зачѣмъ вертится онъ вѣка,
Какъ въ колесѣ вертится бѣлка?
Зачѣмъ такъ форма велика,
Коль содержаніе такъ мелко?..
Всему политики виной
Съ душой ко злу лишь только чуткой.
Безъ нихъ такой нелѣпой шуткой
Мнѣ не казался-бъ шаръ земной.
Ну, не обидно-ль въ самомъ дѣлѣ?
Они пришли, какъ ночью тать,
Судьбой вселенной завладѣли
И родъ людской вернули вспять.

Хоть грезятъ миромъ филантропы,
Но ихъ задача не легка;
Въ цивилизацію Европы
Вновь лѣзетъ право кулака.
Опять—стремленье всѣхъ ослабить,
И къ старой цѣли—старый путь:
Нахально друга обмануть,
Нещадно недруга ограбить.
Народы всѣ—возбуждены
И ждутъ лишь рокового часа,
Потѣхамъ бѣшеной войны
Готовя пушечное мясо.
Какой тутъ нравственный успѣхъ?
Мы только грубой силѣ вѣримъ,
Когда, въ чаду такихъ потѣхъ,
Отъ человѣка пахнетъ звѣремъ...

Мнѣ и досадно, и смѣшно,
Когда я слышу хоръ хвалебный
Творцамъ политики враждебной:
«Какъ дальновидно! какъ умно!»
Ума тутъ нѣтъ. Я протестую.
И, кстати, истину простую
Пусть подтвердитъ мое перо:
«Умно тó только, чтò добро».

1891 г.
Стенькино.

•► ◄•

ПРЕЛЮДІЯ КЪ ПРОЩАЛЬНЫМЪ ПѢСНЯМЪ.

Дни жизни моей пронеслись быстролетной чредою.
И утро, и полдень, и вечеръ мои—позади.
Все ближе ночной надвигается мракъ надо мною;
Напрасно просить: подожди!

Такъ пусть же пылаетъ свѣтильникъ души среди ночи;
Пусть въ пѣсняхъ прощальныхъ я выскажу душу мою,
Пока еще сномъ непробуднымъ смежающій очи
Конецъ не пришелъ бытію.

Пусть выскажу то, о чемъ прежде молчалъ я лѣниво;
И то, что́ позднѣе мнѣ опытомъ жизни дано.
Моя не заглохла средь терній духовная нива;
Въ ней новое зрѣетъ зерно.

Добромъ помяну все, что́ было хорошаго въ жизни;
Что̀ умъ мой будило, что̀ сердце плѣняло мое;
Въ послѣднемъ признаніи выскажу бѣдной отчизнѣ,
Какъ больно люблю я ее.

Напутствовать юное хочется мнѣ поколѣнье;
Отъ мрака и грязи умы и сердца уберечь.

Быть можетъ, средь нравственной скверны, иныхъ отъ паденья
Спасетъ задушевная рѣчь.

А если бы пѣсни мои прозвучали въ пустынѣ,—
Я все же сказалъ бы, имъ честность въ заслугу вмѣня:
«Чтó сдѣлать я могъ, тò я сдѣлалъ, и съ миромъ ты нынѣ,
О, жизнь, отпускаешь меня».

1891 г.
Стенькино.

•► ◄•

РАННЯЯ ВЕСНА.

I.

Три послѣдніе года подъ-рядъ я встрѣчалъ весну въ деревнѣ. Казалось бы, что я, какъ любитель природы, долженъ радоваться, что могъ слѣдить шагъ за шагомъ за постепеннымъ ея оживленіемъ: а между тѣмъ именно въ пору ранней весны я тоскую по городу. Вторая половина марта возбуждаетъ во мнѣ особое духовное настроеніе, которое сильнѣе и глубже любви къ природѣ. Въ это время я живо вспоминаю тѣ давно минувшіе годы, когда, мистически-религіозный юноша, я жилъ въ Петербургѣ и любилъ посѣщать великопостную службу.

II.

Бывало, на первой или на страстной недѣлѣ, выйдешь на улицу — обычной сутолоки не замѣчаешь; движеніе народонаселенія — спокойное; пьяныхъ, которыхъ будетъ такъ отвратительно много послѣ, въ праздникъ, — вовсе не видно; вездѣ слышится монотонный, пріятно раздражающій звукъ желѣзныхъ лопатъ, соскабливающихъ мокрый снѣгъ съ тротуаровъ; на солнечной сторонѣ каплетъ съ крышъ; легко дышется мягкимъ воздухомъ; и говоришь себѣ: постомъ великимъ пахнетъ;

И благовѣстъ надъ городомъ звучитъ;
Не радостный, обыкновенно въ праздникъ
Сзывающій во всѣ колокола;
Но медленнымъ и тихимъ перезвономъ,
Задумчиво и грустно съ высоты
Онъ падаетъ, слезамъ подобенъ крупнымъ.
«Во храмъ зову!»—такъ плачетъ этотъ звонъ:—
«Сегодня тамъ въ молитвахъ поминаютъ
«Жестокія мученія и казнь
«Учителя любви и милосердья».
И я иду, глубокихъ полонъ думъ,
Страстямъ Христа съ молитвой поклониться.

III.

Я понималъ, что́ значитъ для людей
Смерть на крестѣ Учителя благого:
То́—міровой судьбы переворотъ!
Явленье въ жизнь и чувствъ, и мыслей новыхъ;
Между людьми паденіе преградъ;
Вознесено, что́ было въ долѣ низкой;
Низвергнуто, что́ было высоко;
Исканье благъ нетлѣнныхъ; жажда правды,
И торжество духовной красоты,
И сладость слезъ, невѣдомая прежде...

IV.

О, сладкія молитвенныя слезы!
Я ихъ знавалъ. Мнѣ памятны онѣ.
Ужъ никогда я послѣ такъ не плакалъ,
Какъ въ юности восторженной моей.
На утренней зарѣ духовной жизни

Я возлюбилъ ученіе Христа
И мыслію, и сердцемъ умиленнымъ.
Въ тѣ грубыя безправья времена
Одинъ Христосъ смягчалъ людское сердце.
Онъ юнаго меня училъ любить
Трудящихся и всѣхъ обремененныхъ...
Чѣмъ былъ бы я на старости—какъ знать!—
Когда-бъ въ тѣ дни евангельскаго слова
Не снизошла мнѣ въ сердце благодать?

V.

Отъ юности моей борола много
Меня страстей безумная тревога.
Потомъ ко мнѣ, мечтательности врагъ,
Пришло чредой законной размышленье;
И, засоренъ отбросами сомнѣнья,
Источникъ слезъ молитвенныхъ изсякъ.
Но, увлеченъ забвеньемъ ли преступнымъ,
Въ холодное-ль раздумье погруженъ,—
Лишь раннею весной заслышу звонъ,
Что̀ падаетъ, слезамъ подобенъ крупнымъ,
Задумчиво и грустно съ высоты,—
О, молодость! въ душѣ всплываешь ты;
И хочется тогда мнѣ возвратиться
Къ утраченнымъ раскаянья слезамъ;
И я иду въ забытый мною храмъ
Страстямъ Христа съ молитвой поклониться.

VI.

Опять подъ сводами церковными стою;
И сердце смягчено; и духа прибываетъ:
И совѣсть я блюду свободную мою

Предъ Тѣмъ, Кто лишь хулы на духа не прощаетъ.
Стою среди толпы, склоняющейся въ прахъ;
И чувствую: душа участьемъ къ ней согрѣта.
Источникъ истины, любви, добра и свѣта,
Одинъ лишь Богъ Христа—помощникъ ей въ скорбяхъ.
Въ надеждѣ, что придутъ ей свыше утѣшенья,
Она лишь проситъ силъ въ страданьяхъ и въ борьбѣ;
И, съ нею за-одно, я полонъ умиленья
При пѣньи: «Господи! воззвахъ къ Тебѣ...»

VII.

Выносится въ толпу святая плащаница.
Всѣ разступаются, склоняясь передъ ней.
Я слышу тихій плачъ. Заплаканныя лица
Мнѣ видны сквозь огни безчисленныхъ свѣчей.
Свершилось! Кончены предсмертныя страданья.
Умершій на крестѣ положенъ въ гробъ Христосъ.
И въ пѣньи клироса мнѣ слышится рыданье,
И я роняю самъ скупыя капли слезъ...

VIII.

Благодарю мое задумчивое дѣтство,
И юность пылкую мою благодарю;
Я не растратилъ ихъ духовнаго наслѣдства,
И прежнимъ пламенемъ порой еще горю.
Но я—отжившаго обломокъ поколѣнья...
О, прежде чѣмъ придутъ послѣднія мгновенья,—
Тотъ духъ евангельскій пусть овладѣетъ мной,
Что̀ вѣялъ благостно мнѣ раннею весной!
И мой къ могилѣ путь, среди житейскихъ терній,
Тогда бы озарилъ свѣтъ тихій, свѣтъ вечерній.

1891 г.
Стенькино.

ОСЕНЬЮ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

О, тотъ во истину блаженъ,
Кто этой осенью прелестной
Не за́мкнутъ улицею тѣсной,
Не заслоненъ громадой стѣнъ!

Блаженъ, кто въ эти дни не слышитъ
Докучныхъ шумовъ городскихъ;
Здѣсь Божій міръ теперь такъ тихъ;
Здѣсь воздухъ листья чуть колышитъ.

Замолкли рѣчи о трудѣ;
Поля — свободны; всходъ озимый,
Кустяся, льнетъ къ землѣ родимой;
Движенье замерло вездѣ.

Лишь паутинъ клубки летаютъ,
Блестящи, бѣлы и легки;
То въ даль куда-то паучки
Воздухоплаванье свершаютъ.

Чуть шелестя въ вершинахъ, лѣсъ,
Весь въ облаченьи золотистомъ,

Какъ бы стремится къ высямъ чистымъ
Надъ нимъ синѣющихъ небесъ.

О, какъ средь свѣтлаго раздолья
Душа блаженствуетъ моя!..
Теперь не то гуляю я,
Не то хожу на богомолье.

1891 г.
Стенькино.

* * *

Не спѣша, мѣняйтеся, картины,—
Шествуй, время, медленной стопою,—
Чтобы день не минулъ ни единый
Пережитъ, но не замѣченъ мною.

Тишина покоя и всѣ шумы,
Жизнью наполняющіе землю;
Злоба дня и вѣковыя думы;
Смѣхъ и плачъ людскіе—вамъ я внемлю.

Въ чуткомъ сердцѣ впечатлѣнья живы;
Дверь ума открыта свѣту настежь...
Ты лишь, смерти призракъ молчаливый,
Отойди немного,—ты мнѣ застишь!

1891 г.
Стенькино.

ВСѢМЪ ХЛѢБА!

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»
Такъ онъ, голодный, молитъ небо.

О, братья! хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но безъ духовнаго питанья
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья.

Хоть удается намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и въ обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть искусившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ

Мы поклоняемся себѣ,
Какъ между нечистью святынѣ;

Но жизнь освѣтитъ темный путь
И правду горькую откроетъ,
Разоблачивъ когда-нибудь,
Чего гордыня наша стоитъ.

О, никогда и никому,
Кто льститъ вамъ, братья, вы не вѣрьте!
Безъ пищи умственной—уму
Грозитъ бѣда голодной смерти.

Всѣмъ хлѣба! Хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

1891 г.
Стенькино.

НОВАЯ ВАРІАЦІЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ.

Посланіе къ публицисту ретроградной печати.

I.

Положимъ — ты уменъ; допустимъ даже — геній;
Коль мало этого, рѣшимъ,
Что ты въ сужденіяхъ своихъ — непогрѣшимъ:
Но мы-то, прочіе, — вѣдь также не безъ мнѣній;
И худо-ль мыслимъ, хорошо-ль —
Ты наши мнѣнія намъ высказать дозволь.
Другъ друга выслушавъ, поспоримъ и посудимъ,
Какъ образованнымъ приличествуетъ людямъ.
Одерживать, межъ тѣмъ, побѣды любишь ты,
Намъ просто зажимая рты.
Такъ спорить, можетъ быть, — легко, но не учтиво,
Да и къ тому-жъ едва-ль умно.
Я знаю: пріобрѣсть у насъ не мудрено
Привычки дерзости кичливой.
Твоя наставница — московская печать,
Себя провозгласивъ главой газетной знати,
Учила отъ нея брезгливо отличать
«Разбойниковъ пера, мошенниковъ печати».
Я знаю: ты плѣненъ тѣмъ въ жизни нашихъ дней,

Что ни одной черты въ ней рѣзкой не откроешь...
Я вспомнилъ скромную природу нашу: въ ней
Бываетъ вечеромъ спокойствіе такое-жъ.
Недвижный прудъ заснулъ подъ отблескомъ зари;
Порой лишь зарябитъ поверхность кругъ случайный,
Да изрѣдка со дна всплываютъ пузыри—
Нѣмые вѣстники какой-то жизни тайной,
Всплывутъ и лопнутъ, и опять—
Какъ мертвая, тиха темнѣющая гладь.
Тебя смиренностью такой же привлекаютъ
Скрижали блѣдныя довѣрчивой души:
На нихъ что̀ хочешь, то̀ пиши,—
Все съ благодарностью покорной принимаютъ...
Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель зрѣлыхъ лѣтъ [1]),
И бойся съ жизнію расплаты!
Въ посланіи къ тебѣ благой подамъ совѣтъ
Я—старецъ, опытомъ богатый.

II.

Нерѣдко слыхивалъ я въ дѣтскія лѣта
Разсказы о творцѣ военныхъ поселеній.
Вотъ онъ дѣйствительно казарменный былъ геній,—
Не вамъ теперешнимъ чета.
Казался-бъ между васъ колоссомъ средь пигмеевъ
Казенный нигилистъ, свирѣпый Аракчеевъ.
Онъ разсуждалъ: «Хоть будь семи пядей во лбу,
Не потерплю противорѣчья!»
Ему—то звѣрю, то рабу—
Была невѣдома природа человѣчья.
Ни жалобъ, ни борьбы онъ не встрѣчалъ ни въ комъ;

[1]) Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой...

(Лермонтовъ.)

И на судьбу людей не могъ взирать иначе,
Какъ на судьбу почтовой клячи,
Всегда безмолвной подъ кнутомъ.
Жестокость въ немъ росла, какъ въ часъ прилива море,
И воля вьюгою гуляла на просторѣ...
Желанье выразилъ разъ деспотъ въ старину,
Чтобъ голову имѣлъ народъ его одну;
Желанье странное пришло къ нему не даромъ:
Онъ обезглавилъ бы его однимъ ударомъ.
Но не былъ фантазеръ россійскій нашъ герой
И не давалъ притомъ потачки;
Охотно весь народъ прогналъ бы онъ сквозь строй,
Не торопясь, по-одиначкѣ.
Должно быть, часто онъ вздыхалъ: «Кабы мнѣ власть,
Ужъ я потѣшился бы всласть!»
Вошла намъ въ плоть и кровь имъ созданная школа.
Духъ Аракчеевскій, духъ дикій произвола,
Средь дѣтскихъ игръ моихъ пугалъ меня не разъ;
Вотъ почему о немъ продлилъ я мой разсказъ.
И юности во мнѣ такъ живы впечатлѣнья!..
Какой-то сѣрый тонъ... нѣмая тишь да гладь...
Лишь громко заповѣдь звучитъ: «Не разсуждать!» —
Основа главная отечеству служенья.
Та жизнь мнѣ чудится, какъ плѣсень и застой;
Какъ прудъ, о коемъ здѣсь сейчасъ упоминалось,
Но только съ разницею той,
Что даже пузырямъ всплывать не разрѣшалось.

III.

Вотъ съ временемъ какимъ знакомы были мы.
Ужъ, кажется, чего рѣшительнѣй и строже!
Всѣ знали, что запретъ наложенъ на умы;

И что̀ же!
Не обходилося, однако, безъ бѣды, —
Порядка и тогда случались нарушенья.
Все гладко, чисто... Вдругъ, то здѣсь, то тамъ, слѣды
Проявятся мышленья —
И засоряется метеная стезя.
Запретовъ много есть, ихъ всѣхъ не перечислить;
Все можно выполнить, лишь одного нельзя:
Коль мысли есть, — нельзя не мыслить.
Ты возразишь мнѣ: «Да, но можно онѣмѣть.
Намъ думать про себя никто не воспрещаетъ.
Не мысль, а просто рѣчь свободная прельщаетъ.
Предъ суетной толпой звенящая какъ мѣдь».
Нѣтъ! Не дѣйствительна людская мысль безъ слова,
И только смерть кладетъ безмолвія печать;
Сегодня мысль нѣма, а завтра будетъ снова
Во всеуслышанье вѣщать.
Бываетъ, что врагу сдается умъ безъ бою;
Не вѣдая стыда, не мучимый тоской,
Безъ принужденья, самъ собою
Онъ удаляется отъ жизни на покой.
Идутъ событія — въ порядкѣ ли согласномъ,
Въ судьбу ли родины неся переполохъ —
Умъ, обезсиленный покоемъ безучастнымъ,
Не видитъ — онъ ослѣпъ: не слышитъ — онъ оглохъ.
Смѣняется гоньбой за выгодою личной
Великодушіе, такъ дружное съ умомъ;
И слово глупое безчинствуетъ публично:
Ему и лесть, и ложь, и подлость нипочёмъ.
Бывало такъ не разъ; теперь, пожалуй, будетъ...
Но Аракчеевымъ причины все же нѣтъ
Вѣнчаться лаврами побѣдъ.
Что̀ если совѣсть умъ разбудитъ?
Вѣдь онъ тогда, наперекоръ

Ихъ ожиданьямъ и надеждѣ.
Съ себя стряхнувъ наносный соръ,
Воспрянетъ смѣлъ и чистъ, какъ прежде.
Такъ снова на стѣнѣ являются порой,
Въ былой красѣ и въ прежнемъ блескѣ.
Когда-то грубою рукой
Заштукатуренныя фрески...

IV.

Но я въ высокій слогъ пустился. Извини.
Потребны для тебя лишь доводы одни.
Чтобъ дани не платить невольной увлеченью,
Я прямо приступлю теперь къ нравоученью...
А впрочемъ, ежели ты логики не врагъ,
Обоимъ безъ него намъ обойтись возможно:
Придешь ты къ истинѣ простой и непреложной
Безъ помощи чужой, самъ разсуждая такъ:
«Походитъ нашъ народъ на прочіе народы:
«Подумать, посудить не прочь подчасъ и онъ.
«Хоть это въ немъ порокъ, но вмѣстѣ и законъ
«Людской его природы.
«Уму для жительства предѣловъ не дано:
«Ему лишь былъ бы мозгъ, а чей онъ—все равно.
«Хоть въ этомъ-то и вредъ; хоть я вполнѣ увѣренъ,
«Что миновала бы насъ всякая бѣда
«При раздѣленіи труда:
«Я буду умница, ты будь благонамѣренъ...
«Тогда бы всѣ дѣла пошли не на-авось.
«А къ благу общему безспорно:
«Хоть намъ безъ критики задорной
«Едва ли хуже бы жилось;
«И образъ мыслей быть превратенъ

«Безъ мыслей могъ ли бы едва,—
«Но вѣдь какъ солнце не безъ пятенъ,
«Такъ не безъ мыслей голова».

1892 г.
Стенькино.

* * *

Погода сдѣлала затворникомъ меня.
Морозы лютые, дыханье леденя,
Смѣнили буйное неистовство метелей,—
И такъ упорно шла недѣля за недѣлей.
Сегодня—оттепель на солнцѣ; вѣтеръ стихъ
И на окнѣ ужъ нѣтъ узоровъ ледяныхъ.
Смотрю: живущая въ саду, сосѣдка дома,—
Которая была мнѣ съ осени знакома,—
Явилася опять синица у окна.
Головку приподнявъ и прыгая, она
Мнѣ прямо въ комнату, какъ прежде, заглянула:
«А я-молъ все еще жива!»—и упорхнула.

1892 г.
Стенькино.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.